

КРОСТЁР

3-4

125
43

ЗАЩИТНИЦЫ РОДИНЫ

„Быть воином, носить мундир, оружие! Это единственная награда, другой для меня нет...“ „Я посвятила военной службе жизнь мою навсегда и готова пролить всю кровь свою, защищая родину...“ Так говорила Надежда Дурова, „кавалерист-девица“, участница походов против Наполеона, ординарец Кутузова.

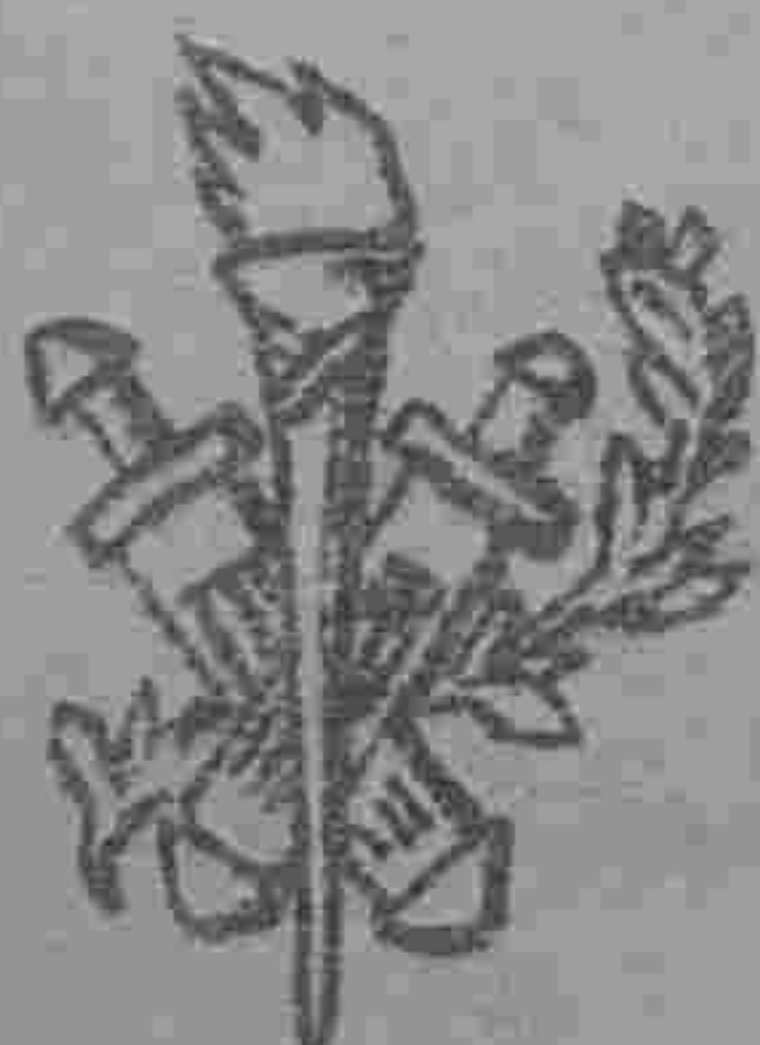
Сколько препятствий пришлось преодолеть Дуровой, чтобы осуществить свою мечту — служить родине. Но Дурова была человеком сильной воли и ничто не могло остановить ее: она покинула родной дом без ведома родителей; назвалась мужским именем и поступила рядовым в полк. А ведь выполнить это в ту пору было несравненно трудней, чем сейчас: ведь тогда считали, что женщина должна родиться, жить и умереть в рабстве.

Конечно, подчас Дуровой приходилось нелегко. Вот что она записала о первых днях военного обучения: „Всякий день я встаю на заре и все вместе мы идем на конюшню. Улан мой хвалит мою понятливость и всегдашнюю готовность заниматься упражнениями, хотя бы это было с утра до вечера... Я устаю смертельно, размахивая тяжелой пикой, и уже несколько раз ударила себя по голове; впрочем, я скорее готова поранить себя, нежели показать малейшую робость“.

И все же Дурова в совершенстве овладела искусством воина. За боевые заслуги она была произведена в офицеры и награждена георгиевским крестом.

Более ста лет прошло с тех пор. Но образ мужественной героини-девушки нам особенно дорог в суровые дни великой отечественной войны.

Ведь подобно Дуровой тысячи девушек сражаются с озверелыми врагами родины; ведь сотни тысяч наших девушек подобно Дуровой овладевают военными знаниями, чтобы встать в ряды доблестных защитников родины.

П 29
41

КОСТЁР

3-4

ЖУРНАЛ ПИОНЕРОВ И ШКОЛЬНИКОВ

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ ★ ЦК ВЛКСМ ★ 1942 ★ ГОД ИЗДАНИЯ ШЕСТОЙ

Л Е Н И Н Г Р А Д

А. ГИТОВИЧ

Весна идет. И ночь идет к рассвету.
Мы все теперь узнали на века:
И цену хлеба, — если хлеба нету,
И цену жизни, — если смерть близка.

И деревень обугленные трубы,
И мирный луг, где выжжена трава.
Потом пришла зима, — атаки, трупы
В снегах противотанкового рва.

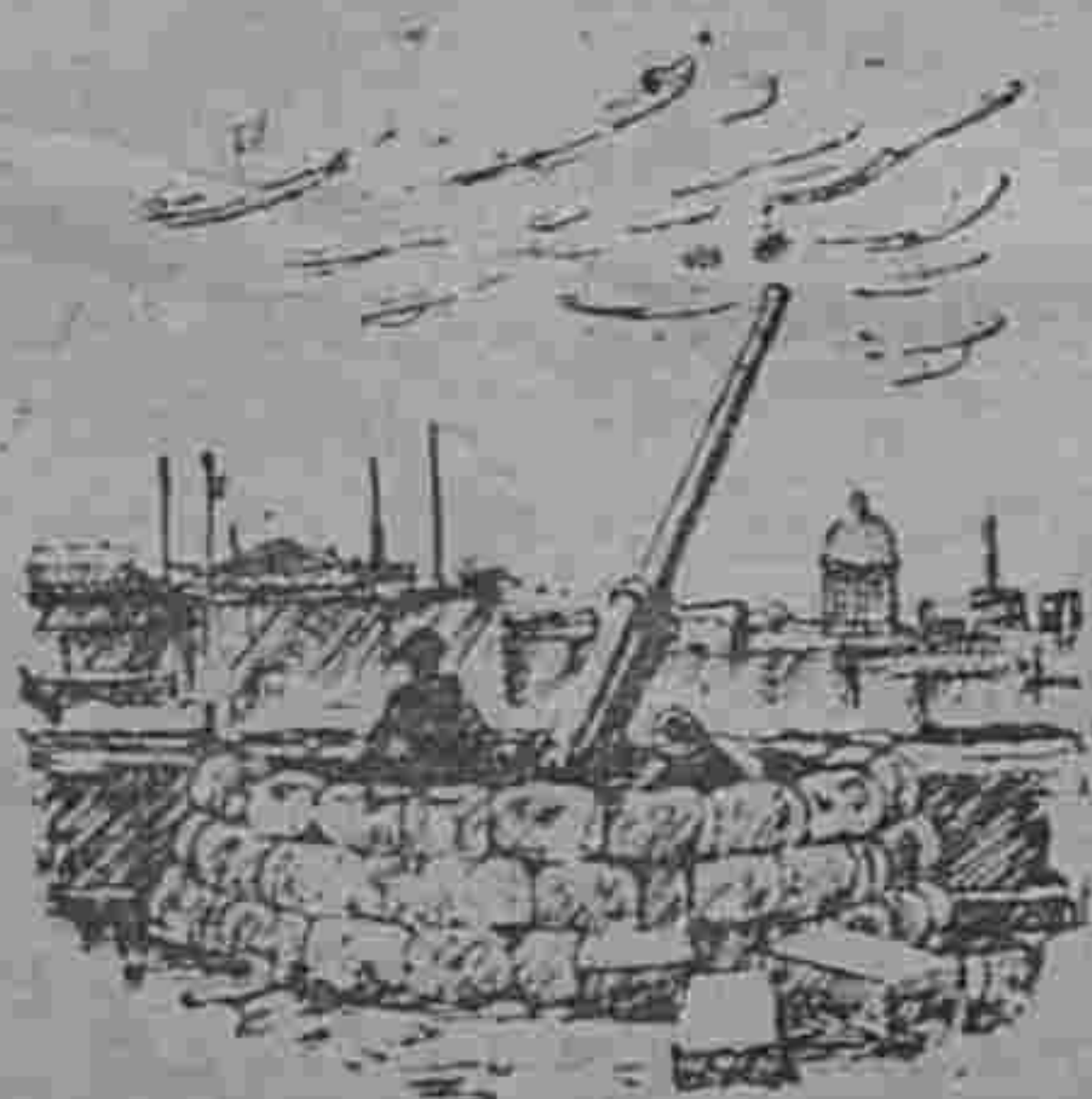
Но так владело мужество сердцами,
Что стало ясно: он не будет взят.
Пусть дни бегут и санки с мертвецами
В недобрый час по Невскому скользят.

Рис. Т. Правосудович

Людское горе, — кто его измерит
Под бомбами, среди полнотной тьмы?
И многие наверно не поверят,
Что было так, как рассказали мы.

Но Ленинград стоит, к победе кличет, —
И все слова бессильны и пусты,
Чтобы потомкам передать величье
Его непобедимой красоты.

И люди шли, чтоб за него сражаться.
Тот, кто не трус, кто честен был и смел —
Уже бессмертен. Слава ленинградцам!
Честь — их девиз. Бессмертье — их удел.

П 29
41

126
43

Боец второй родины

Ф. ГРАЧЕВ

Рис. Г. Петрова

Эулохио Мария Гонзалес родился в Андалузии, где светит золотое солнце и где небо, как синее стекло. Люди там приветливые и жизнерадостные трудятся на полях, виноградниках и в оливковых садах.

Хорошо в Андалузии — пусть летом жжет солнце и редко пройдет освежающий дождь, зато зимой тепло. Горячая испанская земля охотно дарит свои богатые всходы: сочные оливки, гроздья душистого винограда, апельсины, лимоны — все, что радует глаз и сердце человека.

Охотно дарит земля, да не все пользуются этой щедростью своей земли. Испанский народ живет бедно. Нет у испанского крестьянина земли. Земля принадлежит помещику, и щедрые дары получает помещик, а не крестьянин.

Отец Эулохио — его звали Рубен — работал с утра до ночи на арендованном у помещика участке. Сам Эулохио пас хозяйских овец; но не было у них достаточно пищи на сегодня, не было у них уверенности и в завтрашнем дне.

Не жаловался сильный Рубен, не плакала его черноглазая жена и не ходили они кланяться хозяину. Они молчали, сурово молчали, как и многие их соседи.

Эулохио еще ничего не понимал в жизненных делах. Поэтому он совсем не огорчался, когда помещик прогнал его отца с земли. Вся семья перебралась далеко на север Испании в Астурию. Здесь отец на-

чал работать в угольной шахте. Эулохио скучал по собаке, по овцам, по своему уголку в бедной хижине. Но долго скучать ему не пришлось. Десятилетнему мальчику без дела ходить не полагалось: нужно было зарабатывать себе на хлеб, и он пошел в шахту помогать отцу.

Здесь в шахтах люди работали много, а говорили мало: вблизи всегда находились хозяйские надсмотрщики. Но вечерами в кабачке или возле дома, шахтеры пели чудесные песни и вполголоса беседовали о том, что рабочим живется все хуже и хуже, что офицеры ведут себя с каждым днем наглее, а фашисты явно готовят какие-то пакости.

Астурийские рабочие не ошиблись. Очень скоро в Астурию пришла тревожная весть: испанские фашисты начали мятеж. Эти бандиты впустили в свою страну германские танки, итальянские самолеты, полки и дивизии иноземных наемных солдат.

И тогда рабочие, крестьяне и все честные испанцы взяли оружие, чтобы отстоять свою свободу и независимость родной Испании. В рабочий отряд вступил и Рубен Гонзалес.

Эулохио Мария считал себя большим. Ему было уже 11 лет. И свое место он знал твердо. Он будет вместе с отцом.

— Мама, — сказал он, — я тоже пойду!..

Мать посмотрела на отца, отец молча покачал головой.

Эулохио больше не просил. Он забился в угол и просидел там молча до самого вечера.

* * *

На окраине города Овиедо отряд рабочих горняков прощался с семьями. Люди были молчаливы и суровы: они знали, что им предстоит долгая и тяжелая борьба.

С этим отрядом ушел и отец Эулохио. На прощанье он крепко обнял жену и сына. Четким, военным шагом ушли шахтеры по далекой дороге.

Маленький Гонзалес долго смотрел вслед уходящим. Рядом стояла его мать. Из ее опухших от горя, лишений и бессонницы глаз катились слезы.

Эулохио возвратился домой вместе с матерью. А ночью, выждав, когда уснет мать, Эулохио тихонько выбрался из дома.

Несколько часов он бежал, чтобы догнать отряд отца. Утомившись, Эулохио снял ботинки. Так бежать было легче. На рассвете он увидел расположившихся на отдых бойцов.

Мальчик был настойчив. Он упросил командира части, и тот разрешил ему остаться в отряде. К нему очень скоро привыкли. Его полюбили за старательность, за веселые песни и глубокую ненависть к фашистам. Отец никогда не хвалил его, но втайне гордился своим мужественным сыном.

Однажды командование поручило отряду во что бы то ни стало удержать важную дорогу, задержать наступление врага. Отряд завалил дорогу и укрылся в засаде. Эулохио лежал рядом с отцом.

Было очень тихо. По крайней мере так казалось мальчику, ибо он слышал биение своего сердца.

— Ничего, сынок, задержим! — сказал отец. Он внимательно наблюдал за поворотом дороги, откуда ожидался враг.

В этот момент слева, из-за поворота показался танк.

— Немецкий!! — шепнул Гонзалес, увидев паучью фашистскую свастику.

— Тихо, сынок!..

Танк вышел на дорогу и, увидев наваленные бревна и телеграфные столбы, открыл пулеметную стрельбу. Отряд на стрельбу не ответил. Тогда танк открыл оружейный огонь. Снаряд попал в цель и поднял черный столб дыма.

Танк подошел почти вплотную к завалу. Длинной пулеметной очередью он полоснул по траве, по кустарнику, потом дважды прочесал опушку маленькой роши.

Отряд попрежнему молчал. Вдруг танк остановился. Крышка башни открылась и из люка высунулась здоровенная морда фашистского офицера. Он был в черном шлеме. Водянистыми глазами влился он в обочину дороги, где в густой траве, тщательно замаскировавшись, лежал Эулохио с отцом.

Офицер хотел было уже опуститься в люк, как в это время отец Гонзалеса, привстав, быстрым рывком бросил в люк гранату. Раздался взрыв, и туша фашиста застряла в люке.

Танк повернул в сторону Гонзалеса дуло пулемета и застрочил короткими очередями огня и смерти. Отец и сын еще сильнее прижались к родной земле. Свистели пули, срезая стебли травы и цветов над их головами.

И тут раздался оружейный выстрел из маленькой роши. Снаряд попал в танк и тот сразу замолк. Из танка выскочило двое фашистов с автоматами. Они мчались прямо на Эулохио с отцом. Впереди бежал офицер. Были ясно видны его щеки, подбородок, складками упиравшийся в воротник куртки. Толстая, нижняя губа отвисла. Фашист весь как-то надулся и был похож на жабу. Второй высокий бежал рядом, оба стреляли из автоматов. Рубен выстрелил.

Высокий фашист, вскинув руки, упал.

— Готов! — радостно воскликнул Эулохио. В это время маленький офицер, похожий на жабу, снова выстрелил и, сверкая погонами, убежал в высокую траву.

Эулохио слышал стон. Отец лежал на траве, широко раскинув руки, но не выпускающая винтовки. Тонкой струйкой из шеи лилась кровь. Мальчик повернул отца на спину и начал быстро разворачивать бинт.

— Не надо, — прохрипел отец. — Не поможет... Дорогой мой... — отец говорил с усилием, — я умираю!.. — Он с трудом открыл глаза и посмотрел на сына... — Возьми, — пальцы отца разжались и винтовка выпала из его рук. — Отомсти... за Испанию...

Он глубоко вздохнул и больше ничего не сказал. Молчаливый Рубен был мертв.

Гонзалес поднял винтовку отца и огляделся вокруг. Трава, кустарник и лес оживились. Справа, слева, сзади — вставали люди. Пригибаясь к земле, с винтовками, гранатами они бежали навстречу врагу. Это были бойцы его отряда.

Бой разгорался. Увидев впереди фашистов, Гонзалес привстал на колени и выстрелил. Один из фашистов упал.

— Первый! — прошептал Гонзалес.

В этом бою мальчик выскивал самые опасные места. Он никого и ничего не видел, кроме врагов. Он не слышал трескотни

пулеметов, разрывов снарядов, свиста пуль. В ушах стояли только слова отца:

— . . . Отомсти за Испанию!

Священная месть горела в груди маленького воина. Он запомнил офицера-жабу, убившего его отца.

Отряд удержал важную дорогу. Враг не прошел. Вся дорога была усеяна трупами фашистов.

Похоронили Рубена Гонзалес у опушки леса. На могиле отца поклялся Эулохио выполнить его завет.

Вместе с отрядом по горам, ущельям и дорогам Гонзалес исколесил всю Испанию. Вместе со взрослыми он стойко переносил всю тяжесть походной жизни, суровой борьбы, невзгод и лишений. И никогда не выпускал он из рук отцовской винтовки. Эулохио аккуратно вырезывал на ее прикладе маленькие крестики. Таких крестиков на прикладе было четырнадцать. Это значило: четырнадцать фашистов получили свою смерть из этой винтовки. И когда Эулохио стрелял в фашистов, в каждом он видел жабу-фашиста, убившего его отца.

Гонзалес закалился, окреп и не по годам возмужал. Вскоре мальчик узнал, что при налете германских фашистов на Овиедо была убита его мать.

Германским и итальянским фашистам удалось сломить сопротивление маленького народа. Испанская народная армия, героически боровшаяся за свободу, отступала.

Уже на подступах к Бильбао, вместе с металлистами этого города дрался Гонзалес. Здесь он был ранен в ногу и его отправили в госпиталь. Ему сделали перевязку.

Но лечь в госпиталь Эулохио отказался. В палату с винтовкой не пускали,

а расставаться с отцовским оружием Эулохио ни за что не хотел. Он вышел на улицу.

Рвались снаряды, горели дома. Враг ворвался в город. Бой продолжался на улицах. А в это время под обстрелом фашистов в порту готовился к отходу большой испанский пароход.

На пристани у парохода толпились дети. Большие почти квадратные сетки опускались на причал. Дети становились, садились, ложились в эти сетки. Лебедки поднимали их в воздух и опускали на палубу. Детей было много. Капитан торопился. Около причалов рвались снаряды, бомбы. В воздухе, словно стая голодных воронов, рыскали фашистские бомбардировщики.

Гонзалес забрел на причал. Он был в военной форме. Ступня правой ноги была перевязана и на ноге была одета туфля. Мальчик стоял, опираясь на винтовку. Он смотрел на пароход. Все дети давно уже были на пароходе. Один только он стоял одиноко на опустевшем причале.

К нему подошли.

— Ну, что же ты не едешь?

— Я не оставляю родину!

— Но ведь ты ранен?

— Ничего, я уйду в горы.

— Ты должен уехать. Ты поедешь в СССР и потом, когда выздоровеешь, вернешься бить фашистов.

— А винтовку можно взять?

— Бери.

И, опираясь на винтовку, Эулохио взошел на пароход.

С винтовкой он не расставался ни на пароходе, ни в поезде. Вместе со многими испанскими ребятами Гонзалес нашел приют в нашей стране. Здесь не было фашистов, и Эулохио сдал свою винтовку на хранение в музей Красной Армии. Уходя, он спросил: „Отдадите, если понадобится?“

— Конечно, отдадим, — ответили ему.

Эулохио лечили, он выздоровел, отдыхал в „Артеке“, потом начал учиться. Он окончил ФЗУ и работал подручным слесаря. Мальчик довольно скоро научился говорить по-русски. Пять лет прожил испанский мальчик на своей второй родине — в Советском Союзе. И вдруг все разом оборвалось. Немецкие головорезы, гитлеровские орды напали на Советский Союз.

На третий день войны Гонзалес стоял перед комиссией, которая записывала добровольцев.

— Примите меня в Красную Армию!

За столом сидело трое. Военный в пенсне, молча, наклонив голову, внимательно посмотрел на Гонзалеса.

— И обязательно танкистом. Я слесарь! — сказал Гонзалес.

Военный чуть-чуть улыбнулся и спросил:

— Как ваша фамилия?

— Гонзалес.

— Национальность?

— Испанец.

Члены комиссии переглянулись.

— Сколько вам лет, товарищ Гонзалес?

— Шестнадцать.

— Нельзя, товарищ Гонзалес, — покачал головой военный. — На фронте нужны взрослые бойцы.

— Нет, товарищ начальник, неправильно. Я больше года сражался за Испанию и воевать умею не хуже взрослого.

— А винтовкой владеете? — спросил военный.

— Я?! — ткнул себя в грудь пальцем Гонзалес. Он сразу оживился. — Сейчас вы увидите. Эулохио быстро подошел к пирамиде винтовок и, выхватив одну из них, мастерски проделал перед удивленными зрителями все приемы штыкового боя.

Члены комиссии о чем-то переговаривались...

— Я очень прошу, — подошел к столу Гонзалес. — Вы поймите. Отца убили!.. Умирая, он завещал мне не выпускать винтовку из рук. Мать убили!.. Мою родную Испанию потопили в крови. Кровь эта... я должен...

Гонзалес был возбужден, взволнован. Он говорил быстро, боясь, что его не выслушают до конца. Но его слушали внимательно и сочувственно.

— Я должен отомстить, товарищи, — продолжал Гонзалес, — и отомщу. Вчера я был в музее Дома Красной Армии. Отцовская винтовка в сохранности. Я уничтожил из нее четырнадцать фашистов. Это — за Испанию. За мою первую родину. А теперь я обязан защищать мою вторую родину, которая заменила мне отчизну, отца, мать, друзей.

Гонзалес говорил так горячо, так убедительно, что для членов комиссии стало ясно: если его не зачислить добровольцем — это значит лишить молодого испанца всего смысла жизни. И Эулохио записали добровольцем.

Очень скоро Гонзалес стал общим любимцем своего батальона. Он обучал бойцов штыковому бою, его обучали стрельбе из пулемета. Сначала в комендантском взводе Гонзалес охранял штаб, но всеми силами он рвался в бой, и его перевели в пулеметный взвод. В первом же бою к его счету уничтоженных еще на испанской земле фашистов прибавилось еще три, уничтоженных на земле его второй родины.

Однажды пулеметному взводу поручили разведать огневые точки фашистов.

— Задание тяжелое и ответственное, — говорил бойцам молодой командир взвода. — Нужно четыре человека, пятым пойду я. Добровольцы, два шага вперед!

Сразу же с левого фланга вышли Гонзалес и еще один боец.

В путь двинулись, когда чуть-чуть забрезжил рассвет. Взяли с собой пулемет. Гонзалес с винтовкой шел последним. Так приказал командир. Он любил и берег испанца.

К обеду разведка возвращалась в часть, выяснив расположение огневых точек противника. На пути наткнулись на фашистов.

Завязался бой. Гонзалес видел как убили его командира, как пали мертвыми еще два бойца, как свалился пулеметчик.

Гонзалес мгновенно рванулся к пулемету. Подавив пулемет, фашисты поднялись из-за пригорка и в полный рост, с криками бежали к замолкнувшему пулемету.

Дважды обожженный войной, Гонзалес знал как нужно поступать. Он залег у пулемета и подпустил гитлеровцев чуть ли не вплотную. И только тогда торжествующей раскатистой скороговоркой резанул по фашистам пулемет.

Один... Второй... Третий... Восемнадцать!.. Девятнадцать!.. Двадцать!.. — шепчет Гонзалес.

Фашисты смешались и залегли. Маленький офицер, ругаясь, поднял их снова. И снова нажал гашетку Гонзалес. Но пулемет молчал. Все патроны оказались расстреляны. Фашисты очень быстро догадались об этом.

— Сдавайся русс! — закричал офицер. В ответ Гонзалес метнул гранату.

Поднялось облако пыли.

— За Испанию!.. — сказал он. Послышались стоны, крики и рев фашистов. Но они не остановились, и Гонзалес увидел пять приближавшихся фашистов.

— Сдавайся! — снова закричали враги.

Тогда Гонзалес метнул вторую гранату.

— За Советский Союз! — и упали еще два фашиста.

— Двадцать два! — считал Гонзалес.

Совсем уже близко — три гитлеровца. Больше гранат у Гонзалеса не было. Тогда Эулохио схватил винтовку и поднялся из укрытия. Снизу вверх, сильным и ловким ударом он выбил винтовку из рук ближайшего врага, всадил в него штык, молниеносно повернулся и прикладом разбил красную рожу второго фашиста. Перед глазами Гонзалеса промелькнул третий фашист — с лицом налитым кровью, с выпученными глазами. Толстая нижняя губа отвисла. Шея, щеки, подбородок выпирали из воротника куртки. Смутно, на одно мгновение, вспомнил Гонзалес Испанию, убитого отца, маленького офицера, убежавшего тогда в траву.

— Ура! — услышал в это время сзади Гонзалес. Фашистский офицер, отскочил, побежал. Гонзалес оглянулся и увидел своих. Двумя-тремя прыжками настиг Гонзалес офицера и оглушил его прикладом.

Фашиста допрашивали в штабе. С помутневшими, пьяными глазами выкладывал фашистский офицер на стол деньги, портсигар, часы — все, что успел наgrabить.

— Где же вы начали свою карьеру?

— В Испании, — стучал зубами фашист. В штаб быстро вошел Гонзалес.

— В Испании! — услышал Гонзалес. Он вплотную подошел к офицеру и долго, молча, в упор смотрел ему в глаза.

— Сейчас ударит! — произнес кто-то тихо.

Гонзалес узнал того, кого так долго искал. У него не было никаких сомнений. Перед ним стоял убийца его отца.

Гонзалес сжал кулаки, но не ударил бандита.

— Двадцать четвертый! Жаль, что не первый, — сказал он бойцам. — Тогда был бы жив мой отец...

Коле Дурову одиннадцать лет. Он, как взрослый боец, носит военную форму — пилотку с красной звездой и имеет на это право.

До войны Коля учился в третьем классе средней школы в Плюссе. В начале лета он с отцом и мачехой уехал на Карельский перешеек. Здесь в маленьком селе его застигла война. Отец сразу ушел на фронт. А мачеха уехала неизвестно куда, бросив мальчика на произвол судьбы.

Коля не захотел идти в детский дом, не захотел уезжать. В армию, на фронт, — вот о чем он мечтал. И Коля пошел к связистам, стоявшим неподалеку от колиного села.

Долго не соглашался командир принять Колю в часть. Но мальчик просил так настойчиво... В конце концов его взяли в часть, но с уговором: учиться и не вмешиваться в боевые дела.

И вот Коля вместе с бойцами стал ходить на занятия — изучать азбуку Морзе, работать на ключе. В свободное время помогал наводить порядок в помещении, следить за чистотой в комнатах. Иногда с бойцами ездил в лес за дровами. Без дела не сидел.

Однажды часть получила предписание: выбить финнов из одного селения. Завязался бой. Тут и Коле нашлась работа: он как связной передавал приказания старшего командира младшим.

Ю Н Ы Й связист

Визжали мины, свистели пули, а Коля, где ползком, где перебегая по оврагам, пробираясь с донесением на самую передовую линию. Так восемь часов, пока длился бой, выполнял Коля свое первое боевое задание.

В другой раз, когда финны перерезали дорогу и пытались окружить часть, Коля помогал бойцам связистам проводить телефонную линию. А работать пришлось под обстрелом: сверху их обстреливали „Юнкерсы,“ на земле минометы. Осколок мины поранил Колю палец, но мальчик не бросил работы.

Так проходили дни. Коля научился передавать и принимать телеграммы, изучил материальную часть. И здесь он понял как мало у него знаний. Чтобы стать хорошим радистом, надо много учиться, многое знать. Неквалифицированному связисту никто не поручит самостоятельной работы...

Потом Коля заболел малярией и попал в военный госпиталь. Когда его не мучат приступы болезни, он много читает. Он твердо решил: он вернется снова в часть, а потом... Потом, когда кончится война, он поступит в школу навестать упущенное, а потом поступит в вуз, чтобы стать настоящим радистом — радио-инженером.

К своим!

А. БУСЫРЕВ

Рис. Е. Белуха

Река отделяла части Красной Армии от немецко-фашистских войск. С высокого берега было удобно наблюдать за подернутым туманом плесом реки, за густо заросшим противоположным берегом. Глаза дозорного пытливо прощупывали туманные окрестности, уши настороженно ловили шорохи.

И вот, однажды, с того берега, скрываясь в тумане, на середину реки вышла лодка. Гребцы торопливо направляли ее в нашу сторону. Дозорные красноармейцы, прячась в кустах, с винтовками наготове, двинулись к месту вероятной встречи.

Прибрежный песок зашуршал под килем лодки. Четверо ребят спрыгнули на берег.

— Стой! — крикнул дозорный.

Ребята замерли на месте. А старший твердо зашагал к бойцам и четко доложил:

— Мы от немцев. К своим, к вам пришли. Мои товарищи: Валя, Вова и Ванюшка — тоже со мной.

— Ну, пошли! — сказал командир дозора. Ребята зашагали в штаб подразделения.

Здесь ребят накормили, а потом начальник штаба велел им рассказать — кто они, откуда и зачем пришли.

Вот что рассказал старший, тринадцатилетний Коля.

* * *

Село, где родился и вырос Коля, окружают леса. Любили это место ленинградцы. Многие приезжали сюда летом на дачу.

Коля, как и все ребята, зимой учился в школе, а летом пропадал в лесу, собирая ягоды, грибы, бегал на реку ловить рыбу. Как хорошо знали ребята лесные тропинки, изгибы берегов... И, конечно, не пропускали случая выкупаться в прибое парходных волн.

Так было до войны. А потом все изменилось: ушел в армию старший брат Коли, а вскоре и отец. С фронта стали приходиться письма.

Гул артиллерийской стрельбы подкатывался все ближе и ближе. Немцы рвались к селу. Как хищные коршуны налетали фашистские самолеты.

После налетов оставались груды горящих развалин, трупы знакомых и близких людей...

Настал день и в село вошли немцы. Любопытство пересилило страх. Коля выбежал поглядеть: кто эти незваные, непрошенные пришельцы.

Он увидел распахнутые двери кооператива. По полкам шарили немецкие офицеры. Они тащили бутылки и здесь же на ступеньках лестницы тянули вино. В разбитой аптеке хозяйничали солдаты. Ветер шевелил пустые бумажки от порошков, сыпал тальком пролитое лекарство...

На другой день фашисты начали рыскать по домам. Они ссыпали в свои мешки крупу, картошку. Рылись в сундуках и шкафах, откладывая все, что приходилось им по душе. Не брезговали немцы и часами; их они снимали с рук мужчин и женщин и тут же клали в свои карманы. Повсем дворах солдаты гонялись за курами для офицерского обеда, выискивали куриные гнезда в поисках яиц.

Захватчики сгоняли население рыть окопы и строить дзоты. На каждом шагу ребята наталкивались на разрушительные следы немецкого „порядка“: разрушенные хозяйства колхозников, разграбленные склады, разгромленные школы...

Надо бежать к своим — решили ребята. Но как бежать? Река преграждает путь. Немцы зорко сторожили все лодки. Сделать плот? Но если немцы заметят его — не поздоровится. Плыть на бревне? Опасно. Идет лед, вода холодная... Долго искали ребята выхода. И вот однажды, у лесной сторожки они нашли полуразвалившуюся лодку. Наспех починили ее и спрятали в прибрежных кустах.

Наступила темная ночь. Надо было решаться. И четверо смелых советских ребят подвели лодку к месту переправы. На рассвете, прячась в густом тумане, бесшумно перебирая веслами, они повели лодку наперерез течению.

Как было страшно! Каждый шорох казался зловещим. Вдруг их схватят немцы! Но там, на том берегу, были свои родные люди, красноармейцы, советский народ. И стремление к своим превозмогло страх.

ВЕЛИКИЙ ХИРУРГ ВОЙНЫ

Ф. КОПЫЛОВ

Военврач II ранга

Войну 1914—1918 годов Франция выиграла своими ранеными. Из каждых ста раненых, после лечения, восемьдесят два человека возвращались в строй.

Это был небывалый успех, и французы в праве были гордиться своей постановкой помощи раненым. Во время прежних войн было совсем не так, и даже во французской армии.

Отойдем от первой империалистической войны на столет назад. 1812 год. Армия Наполеона движется на Москву. Уже в боях под Смоленском перевязывать нечем. На повязки идут запасы белья, но и его нехватает. Тогда главный хирург французской армии Ларрей приказывает перевязывать раны исписанной бумагой, десятки лет копившейся в архивах.

Перелом кости или повреждение крупного сустава—почти верная смерть. Спасти может только немедленная ампутация, если раненому посчастливится добраться до хирурга.

Ампутации, ампутации без конца...

Здесь же на поле сражения: зимою, в жестокий мороз, прямо на снегу. У перевязочных пунктов отнятые руки и ноги лежат целыми грудями. Сам Ларрей в день Бородина произвел больше двухсот ампутаций. Но вся жестокая помощь—ничто для десятков тысяч раненых, не подобранных и забытых. А сколько умерло у шатра хирурга, не дождавшись своей очереди...

Госпиталей и лазаретов мало. Огромные скопища раненых в каждой уцелевшей избе или сарае. Понятно, что даже легко раненые

погибают от столбняка, рожи, злокачественных нагноений.

Сколько же тогда из ста раненых возвращалось под знамена Наполеона? Этого никто не знал—ни сам он, ни его главный хирург.

Как удивился бы Ларрей, а с ним все хирурги 1812 года, если бы они могли узнать об успехах 1914—1917 годов.

Но, конечно, сами собой эти успехи не получились. Кто же, когда и как преобразовал дело помощи раненым? Это—заслуга одного из великих русских врачей, профессора Николая Ивановича Пирогова.

Пирогов родился в Москве в 1810 году, четырнадцатым по счету ребенком в семье. Отец его, человек зажиточный и для своего времени образованный, вскоре разорился и умер. Пришла нужда. „Как я пронищенствовал в Москве во время моего студенчества,—это осталось для меня загадкой“,—пишет Пирогов.

Долгое время Пирогов жил впроголодь, но не переставал упорно работать

и совершенствоваться. Молодого ученоговскоре пригласили профессором, сначала в дерптский университет, потом в петербургскую Медико-хирургическую (ныне Военно-медицинскую) Академию.

Такого профессора в академии еще не было никогда. Пирогов, как никто из хирургов, знал строение человеческого тела. За десять лет он произвел около одиннадцати тысяч вскрытий. И каждую мысль или предположение Пирогов всегда проверял на опыте. Оперировал Пирогов мастерски. Он

Николай Иванович Пирогов.

брался делать операции больным, от которых отказывались другие хирурги. И умел добиваться выздоровления. Он изобретал свои собственные „пироговские“ операции. Много лет прошло с тех пор, но эти операции не забыты, и теперь каждый студент-медик изучает их в любом университете мира.

Ни один хирург не мог сравниться с Пироговым во всем, что касалось военных ранений. Вот какой случай описан в медицинских журналах того времени.

В одном из походов был ранен знаменитый итальянский патриот Джузеппе Гарибальди. Ружейная пуля ударила его в ногу над лодыжкой. Рана нагноилась и не заживала. Никто не мог сказать: осталась ли пуля в ране или нет. Ведь тогда не умели делать рентгеновских снимков. Пытались в гное определить химическим анализом следы свинца.

И все же, так и не удалось выяснить — есть пуля в ране или нет. Нагноение продолжалось: Гарибальди терял силы. Стали поговаривать об ампутации ноги.

Тогда пригласили Пирогова. Он осмотрел рану и написал свое заключение: пуля находится в ране; ни операции, ни ампутации, делать не следует; пуля скоро выйдет сама, вместе с гноем. Предсказание Пирогова вскоре оправдалось. Гарибальди выздоровел.

Пирогов участвовал во многих войнах: Кавказские походы, Крымская кампания, франко-прусская война, восточная война 1877—1878 годов. За тридцать лет работы в военных условиях через руки русского хирурга прошли десятки тысяч раненых. Итоги своего огромного военного опыта Пирогов изложил в четырех сочинениях. Эти работы уже тогда перевели на три языка. И надолго эти сочинения стали главным руководством для изучения новой науки о помощи раненым на войне. Сам Пирогов называл эту науку „военно-полевая хирургия.“

Что же такое, военно-полевая хирургия?

Вы знаете, когда на фронте намечают какую-нибудь боевую операцию, хотя бы силами одного взвода, то план ее сначала тщательно разрабатывает командование. В этом плане предусмотрено как, где и когда начнется операция, как будет двигаться каждое отделение, где будут расставлены пулеметы и минометы, где будут находиться резервы, сколько боеприпасов понадобится. Каждое отделение, пулеметный расчет и даже одиночные бойцы получают свои боевые задания. Из них и складывается общий план операции.

В этом плане обязательно предусмотрен и план помощи раненым. Точно известно сколько потребуется индивидуальных паке-

тов, сумок, санитаров, где во время боя будет находиться санинструктор, санитары, пункт первой помощи, как будет подходить санитарный транспорт: как придется эвакуировать раненых в тыл.

Но войну ведут не взводы, а многомиллионные армии. Их действия разрабатывают генеральные штабы еще в мирное время, задолго до того, как впервые произнесено слово „война“. И, конечно, в план будущей кампании входит и план помощи раненым.

Чего только не предусматривает этот план: и дороги — железные, автомобильные, воздушные, водные. И здания — школы, гостиницы, клубы, которые легко и удобно превратить в госпитали. И те предприятия — заводы, фабрики, мастерские, которые будут вырабатывать медицинские инструменты, приборы, перевязочные материалы и лекарства. Учитываются возможные потери людей, подсчитывается сколько понадобится врачей, сестер, санитаров, доноров.

Военно-полевая хирургия — это прежде всего организация четкая, гибкая и безотказно действующая. Без нее во время войны даже лучшие хирурги окажутся беспомощными.

Пирогов рассматривал войну, как своего рода эпидемию. При вспышке эпидемии заболевает в короткое время множество людей; так и на войне: сразу появляется много раненых, учил он. О том, что с эпидемиями следует бороться планомерно, признавали все. Пирогов же доказывал, что так же, как во время эпидемий, следует помогать и раненым во время войны.

Нам может показаться странным, что эти простые и понятные мысли необходимо было доказывать. Но Пирогову приходилось упорно преодолевать косность врачей и чиновников, чтобы добиться признания своих взглядов и проведения их в жизнь.

Прежде всего Пирогов считал недопустимым скопление раненых на перевязочных пунктах и в госпиталях фронтовой полосы. Оказывать же необходимую помощь тут же на месте было нельзя. И Пирогов требовал, чтобы раненых как можно скорее отправляли в тыл.

Тут встретились серьезные затруднения. Как перевозить на телегах, по плохим дорогам тяжело раненых со сложными переломами костей? Обломки костей врежутся в мягкие ткани, это причинит раненому тяжелую боль, вызовет опасное кровотечение. В ране разовьется нагноение, а оно может закончиться заражением крови, смертью.

Выходило, что тяжело раненых нельзя быстро перевезти в тыл. Или же следует как можно скорее отнимать раненые руки и

ноги. Но разве ампутация — это выход? И разве врач успеет оказать даже такую суровую помощь каждому, кто в ней нуждается?

Казалось, выхода нет. Но Пирогов нашел выход. Перевозить тяжело раненых можно, когда поврежденная рука или нога находится в полном покое. А этого можно достигнуть, если наложить гипсовую повязку. Мало кто знал тогда об этих повязках. А те, кто знал о предложении одного шведского врача, те не видели пользы в этих повязках. И только Пирогов сразу оценил все значение повязок. Стоило обернуть поврежденную руку или ногу прогипсованной тканью и дать гипсу застыть, как раненая конечность оказывалась в гипсовом футляре. Твердая повязка удерживала обломки костей, и рана быстро залечивалась, без нагноения.

Так Пирогов разрешил вопрос не только об эвакуации, но и создал свое учение о „сберегательном“ лечении. Так отпала необходимость ампутировать при огнестрельных ранениях руки и ноги. И теперь в каждом учебнике хирургии подробно описано, как следует накладывать гипсовые повязки. В наше время есть даже особые специалисты — „гипсовые техники“. Если врач эвакуирует раненого с переломами без гипсовой повязки, то он совершает грубую врачебную ошибку.

Свое учение о „сберегательном“ лечении Пирогов разработал подробно. Он восстал, например, против обычая исследовать свежую рану пальцем или зондом. А так до него поступали все хирурги. Пирогов доказал, что это загрязняет рану и нередко приводит к смерти. Сейчас эти взгляды Пирогова — хирургический закон.

Пирогов первый применил на войне наркоз, то есть усыпление, во время которого человек не чувствует боли даже при самой мучительной операции.

До Пирогова раненый солдат ожидал хирурга, как палача. Он соглашался на операцию, только осознав свою полную обреченность. Но очень многие предпочитали смерть этой хирургической пытке. И заслуга Пирогова в том, что он впервые облегчил муки раненых солдат.

Можно очень долго говорить о том, что сделал Пирогов для раненых. Он раньше других понял, что надо хорошо оборудовать госпитали, вводить новые способы лечения, готовить опытных врачей и сестер, изучать опыт лечения — вести научные работы. И мы чтим память великого русского хирурга и продолжаем начатое им дело.

Все, что Пирогову приходилось отстаивать, доказывать, кажется нам привычным и оче-

видным, но в те времена господствовали иные взгляды, укоренившиеся со времен средневековья, когда врачи и хирурги лечили только полководцев и военачальников. Это происходило от того, что войска тогда состояли из небольших отрядов наемных солдат, часто иностранцев, за плату служивших любому королю или герцогу. Об этих солдатах никто не заботился. Легко раненые следовали за армией в обозе. Тяжело раненые отлеживались за свой счет где-нибудь в монастыре или у местных жителей.

Менялись времена. Вместо наемных отрядов уже сражались гигантские армии, укомплектованные по воинской повинности. Совершенное огнестрельное оружие, сменившее мечи и стрелы причиняло огромные потери. Теперь раненые не обременяли армию: их стали лечить, чтобы иметь пополнение. И солдаты, зная, что при ранении не будут оставлены на произвол судьбы, дрались отважней.

Раненых необходимо было лечить! Этого требовали интересы армии, этого требовали интересы государства. Ведь инвалид войны, сохранивший хотя бы часть своей трудоспособности, меньше обременял государство, чем беспомощный калека.

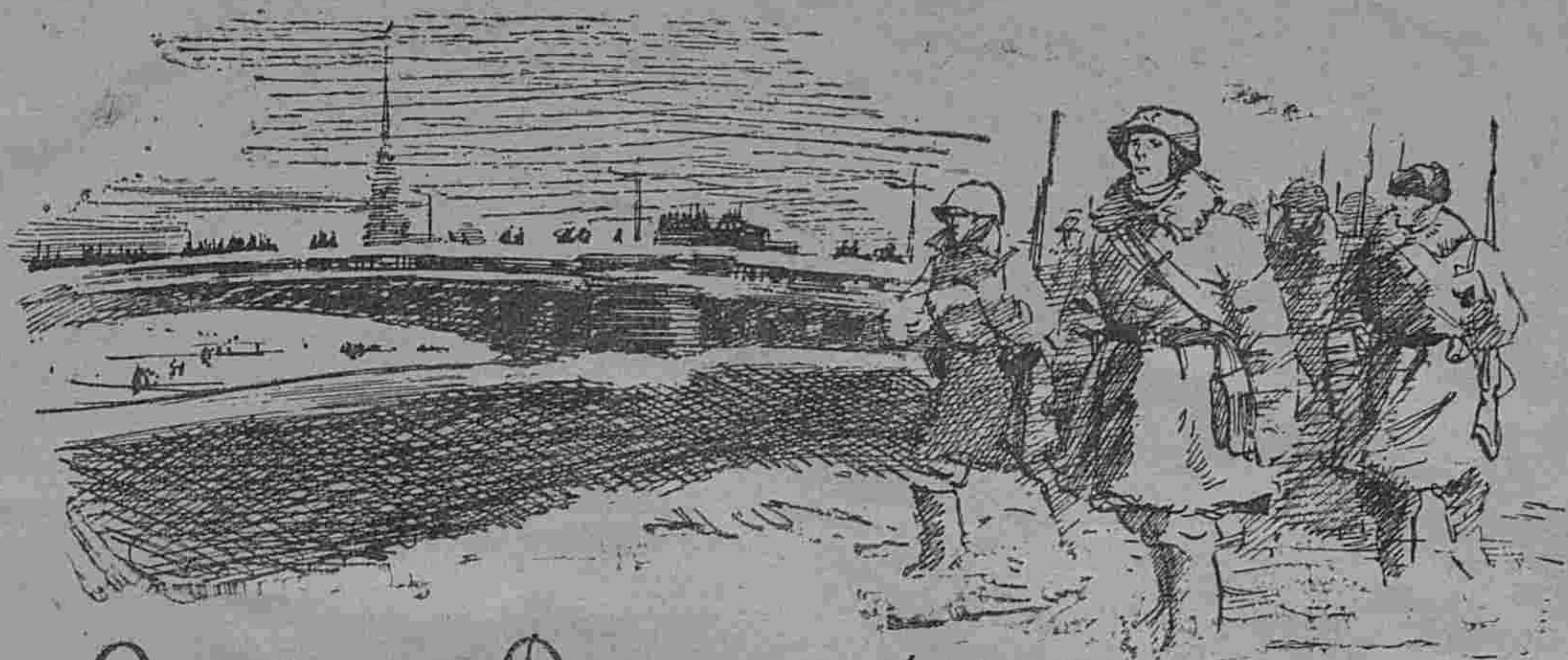
То, что хорошо понимал Пирогов, понимали далеко не все его современники. Вот почему Пирогову, первому, кто взялся за дело преобразования помощи раненым, приходилось с огромной энергией отстаивать и защищать свои взгляды.

Многое изменилось за несколько десятков лет, прошедших со дня смерти Пирогова. Дальнобойная артиллерия и самолеты заставили хирургию уйти с поля в земляные щели, в подземные блиндажи, бетонированные подвалы, казематы крепостей, бронированные коробки линкоров. В любых условиях выполняют советские хирурги свое тяжелое благородное дело помощи раненым бойцам за родину. Но не только расчеты и забота о пополнении армии заставляют советских хирургов оказывать помощь раненым. И мужество советских бойцов и командиров не зависит от того, какую им окажут помощь.

Советские люди знают: они сражаются за свою родину. А родина заботится о своих сынах.

Но как бы ни изменялись армии, вооружение, как бы ни было совершенно оружие — в основе нашей советской военно-полевой хирургии еще долгие годы будут жить замечательные мысли великого хирурга войны, впервые в истории человечества преобразовавшего дело помощи раненым бойцам.

Ответ Джамбулу

В. ЗУККАУ-НЕВСКИЙ

Рис. Г. Петрова

Степных ветров широкий звонкий гул
Дошел до нас и сердце всколыхнул;
Над плеском невских волн твой голос дважды
Слыхали мы, отец, акын Джамбул.

В садах звенела медная листва,
Осенней хмурию шурилась Нева,
Когда впервые, к бою изготоясь,
Услышал Ленинград твои слова.

Ты славил нас, любимых сыновей,
Ты называл нас гордостью своей.
Ты верил — враг сердец не сломит наших
И не пробьет застав стальных дверей.

Тогда, привет прощальный твой приняв,
Мы, ленинградцы, встали у застав
И умереть, сражаясь, клятву дали;
И многоглавый ранен был удав.

Уж тот сентябрьский славный день далек,
Когда в овраге смрадном он залег
И сжал свои чешуйчатые кольца,
Чтоб, голодая, город изнемог...

И голод был и смерть была и тьма,
Глядела ночь в разбитые дома,
Зима была — таких у вас не знают! —
Голодная, жестокая зима.

У братьев не одна ли боль утрат?
Забуть в несчастье мог ли брата брат?
И твой народ, казах, нам слал подарки,
Бойцов-орлов степных слал в Ленинград.

Ты нашу благодарность передашь
За щедрые дары и за гостинец ваш,
А за стрелков таких — спасибо трижды,
Как Тэшебай Адиллов, славный снайпер ваш!

... Нева разбила почерневший лед.
Сады листвой встречают птиц прилет.
С гор Казахстана городу-герою
Акын Джамбул привет весенний шлет.

И город наш, глядящий в даль морей,
Зовет он городом богатырей,
Желает нам акын седоволосый
Завоевать победу поскорей.

Горит сиянье славы на бойцах,
Где с ленинградцем рядом встал казах, —
Любовь одна и та же в их сердцах,
Одна и та же ненависть в глазах...

Акын, спасибо за стихи твои!
Они в душе поют, как соловьи.
В честном бою казах и ленинградец
Все головы обрубят у змеи.

Выстрел

Е. ТЕРНИК

рис. Г. Фитингофа

К вечеру распогодило, когда Игнатов вылез из блиндажа. Он дошел до опушки леса и скрылся в густом молодом ельнике.

— Теперь дня два его не жди, — сказал рослый пулеметчик.

— А, может, и все три? — возразил другой. — Игнатов ровный счет любит. Без сухарей просидит, а счет сравнивает.

— Усидчивый, — согласился пулеметчик.

Игнатов долго продирался сквозь колючий заслон низкорослых елок. Часто останавливался и чутко прислушивался. За его спиной висела любимая винтовка с укрытым в брезентовом чехле оптическим прицелом. В карманах — небольшой запас сухарей, банка с консервами, „лимонки“, а на поясе — фляжка и саперная лопатка. На плечах маскировочный плащ.

Он прошел лес и на другом крае осторожно высунул голову из-под густого куста. Знакомые места: небольшой лужок, покато спускавшийся к речке, редкий ракитник, а на том крутом берегу — избы занятой немцами деревни.

— Кабинет себе оборудуем новый, — тихо прошептал он, отползая от вывороченного снарядом толстого, замшелого пня. Это был след охоты немцев за неуязвимым советским стрелком.

Вскоре Игнатов удобно устроился. За двумя сросшимися березками отрыл окопчик, залез в него, зашалашился собранным валежником. Каску заботливо прикрыл заранее сплетенной из прутьев сеткой. Просунул винтовку между березок, примерился. Не понравилось. Пришлось вылезать, тихонько сломать и пригнуть к земле красные прутья мешавшего обстрелу куста.

Наконец, он залез в окоп, поворочился — не хрустят ли ветви валежника. Снял с прицела чехол и прильнул плечом к прикладу...

Утро застало Игнатова все в том же положении. Сжимая и разжимая кулаки, чтобы отогреть застывшие пальцы, он, не отрывая глаз от прицела, следил за вражеской стороной.

Скоро совсем рассвело. Вот к речке спустился немецкий солдат с ведрами в

длинных руках. Он ступил на мостки, где когда-то женщины полоскали белье и шустрые мальчишки стремглав ныряли в воду.

В разрыве горизонтальных нитей ясно был виден серо-зеленый со светлыми пуговицами короткий мундир. Острие пенька прицела коснулось оттопыренного грудного кармана немца. Палец Игнатова уже довел спуск до „толчка“ и сделал еще одно, чуть заметное усилие...

Кругом, то тут, то там изредка раздавались выстрелы. Иногда неторопливо стучал автомат.

Выстрел Игнатова остался незамеченным. На покрытых инеем мостках сиротливо торчало теперь пустое ведро...

К полудню на крыше силосной башни показался еще один немец. Из отверстия в крыше высовывалась только его голова с биноклем у глаз.

Игнатов дождался очереди автомата и спустил курок. Голова провалилась в дыру. Снайпер увидел, как вокруг башни засуетились солдаты, услышал резкий грохот пулемета и свист пронесшихся в стороне пуль. Он укрылся на дне окопчика, переждал и выглянул вновь.

Из отверстия в башне высовывалась голова в каске.

Игнатов не спешил. Прильнув к прицелу, он разглядывал новую цель. Голова на крыше поворачивалась из стороны в сторону, а когда замирала, то, казалось, смотрит прямо на него, Игнатова.

Немецкий солдат ступил на мостки.

Это был манекен с румяными щеками и нафабранными усами!

Больше в этот день ничего примечательного снайпер не увидел. „Не густо“, подумал он, когда наступил вечер. Он приготовился было к бессонному отдыху на дне окопчика, как вдруг в деревне раздалось подряд несколько сильных ударов, высокое пламя через минуту взметнулось над одной из дальних изб.

Кругом все ожило. Ожесточенные крики, слова команды на немецком языке смешивались с выстрелами и резкими ударами гранат. Раздался оглушительный взрыв...

Что происходило на том берегу? Игнатов жадно вглядывался туда, где вздымалось пламя. Вот несколько фигур, согнувшись, выбежали из-за силосной башни. Он уже поймал было одну из них в прорезь нитей, но тотчас же снял палец со спуска.

Это не были солдаты немецкой армии!

В какое-то мгновение Игнатов заметил в прицеле серый полушубок и заячий треух, тотчас же пропавшие в сумерках.

Но вот один из бежавших вдруг резко свернул в сторону и припал к земле. Над его головой пронеслись огненные линии трассирующих пуль. Все пространство за деревней осветилось этими зримыми следами свинца, как бы подстегнутыми неистовым бичем пулемета.

Человек, согнувшись, побежал к речке. В руке его была винтовка.

— Скорей... скорей... — шептал Игнатов, понимая, в чем дело.

Из-за силосной башни, невидимый Игнатову, застучал автомат. Человек ускорил бег. Он прорвался сквозь огненный ливень и мчался теперь к мосткам. Игнатов видел, как партизан размахивал винтовкой, как вбирал голову в плечи каждый раз, когда мимо проносились свистящие шмели.

Автомат замолчал. Высокий сухопарый немец с револьвером в руке бросился наперерез бежавшему. Тот вскинул винтовку, но она, видно, была не заряжена. Немец выстрелил и промахнулся.

Все ближе речка. Раздался еще выстрел из пистолета. Партизан споткнулся и упал. Он с трудом поднялся и — увидел над собою перекошенное лицо своего преследователя. Оно было искажено злобой, ненавистью

Немец выстрелил...

и радостью зверя, готового схватить свою жертву. И лицо врага вдруг застыло в гримасе — это хорошо видел партизан — откинулось назад и по рыжим усам забила пузырящаяся кровь. С того берега стукнул выстрел.

Немец упал, широко раскинув руки. Партизан поднял винтовку и, волоча ногу, спустился к речке. Быстро одолел ее, мокрый выполз на берег.

Из деревни во все стороны тянулись струи светящихся пуль.

Раненый огляделся. Берег был пуст и молчалив.

— Ого-го... — тихо позвал он.

Ему никто не ответил.

Он постоял, прежде чем скрыться, и негромко крикнул:

— Спасибо, товарищ!.. Слышишь?

И нырнул в надвинувшуюся темноту.

— Слышу, — прошептал Игнатов, поправляя приклад в плече. — Не кричи, уноси ноги, товарищ... Меня не дождешься. Хоть до пятка — а досидеть надо.

О. КУЗНЕЦОВА

Их много девушек, родившихся в разных концах страны, с разными характерами, вкусами, привычками, но с одинаковыми зелеными петлицами на воротниках. Война, Великая отечественная война заставила каждую из них бросить свой привычный труд геолога, токаря, педагога и надеть военную форму медицинской сестры.

Но каждая своим собственным путем пришла к исполнению этого общего священного долга. С тех пор как Лида Крашенинникова впервые вошла в класс, чтобы провести урок, прошло 6 лет.

В 1941 году Лидия Евсеевна преподавала в старших классах сельской школы недалеко от Ленинграда. Казалось, что жизненный путь ее навсегда утвердился, но вдруг все пошло по-иному.

Наступило памятное 22 июня 1941 года. Началась Великая отечественная война. Лидия Евсеевна записалась в истребительный батальон. Она оказалась единственной девушкой среди многих мужчин. Ее это мало смущало, но командир батальона решительно не знал, что ему делать с „девчонкой“. Поразмыслив, он прикрепил Крашенинникову к местной амбулатории — пусть обучается медицине, наука для войны необходимая.

Учеба продолжалась недолго. Немецкие орды подкатывались все ближе и ближе. Поселок эвакуировался. Истребительный батальон ушел в лес. Теперь никто уже не думал о том, что Лида — девушка. Теперь все назывались одинаковым словом — партизаны.

Восемь дней провела Лида в тылу у немцев. Жили даже не в землянке, не в шалаше, а просто накрывались на ночь захваченной из столовой клеенкой.

За восемь дней Лида успела не раз доказать, что стрелять из „Нагана“ она научилась лучше многих из своих товарищей, а гранатометчицей считалась самой отличной. Короче говоря, когда к партизанам сложными окольными путями пробрался председатель Райисполкома с очень секретным и очень ответственным заданием, выполнение этого задания возложили на „девчонку“. Ей дали сопровождающего и отправили в Ленинград.

Лида добиралась долгие четыре дня. Все станции были уже заняты немцами. Расстояние, отделявшее двух отважных посланцев от фашистов, измерялось даже не сотнями — десятками метров. Все-таки они пробирались вперед, все-таки они выполняли задание — вывели из окружения не одну советскую часть.

Когда пришли в Ленинград, Лида сразу явилась в Обком партии с докладом: „Прибыли“.

— А ноги!?

— Ноги, как ноги, — отмахнулась девушка.

Они были стерты до сплошных кровоточащих ран. Но Лида наотрез отказалась лечь в больницу.

— Некогда! Жду боевого задания.

Тогда Лиду направили в госпиталь. На первых порах она огорчилась. Но, поразмыслив, а главное поработав там, убедилась, что в госпитале так же нужны мужественные и прилежные руки, как на фронте, как в занятом партизанами лесу.

Сидеть за книжкой, когда страстно хочется действовать, работать, это очень трудно. Это требует, пожалуй, больше упорства и героизма, чем даже открытый бой с врагом. Крашенинникова не сдалась и здесь. За три месяца прошла она курс, рассчитанный на год, и вернулась в госпиталь настоящей медицинской сестрой.

Она продолжает неустанно учиться и теперь у постели больного, у перевязочного стола, у шкафа с медикаментами. „Стать мастерами своего дела“ — приказал товарищ Сталин советским бойцам. А ведь девушки с зелеными петлицами — те же славные советские бойцы, своей самоотверженностью, своим упорством, своей ненавистью к врагу приближающие час окончательного разгрома фашистов, час окончательной победы нашего правого дела.

МЕСЯЦ ПАРТИЗАН

Я. НОВИКОВ

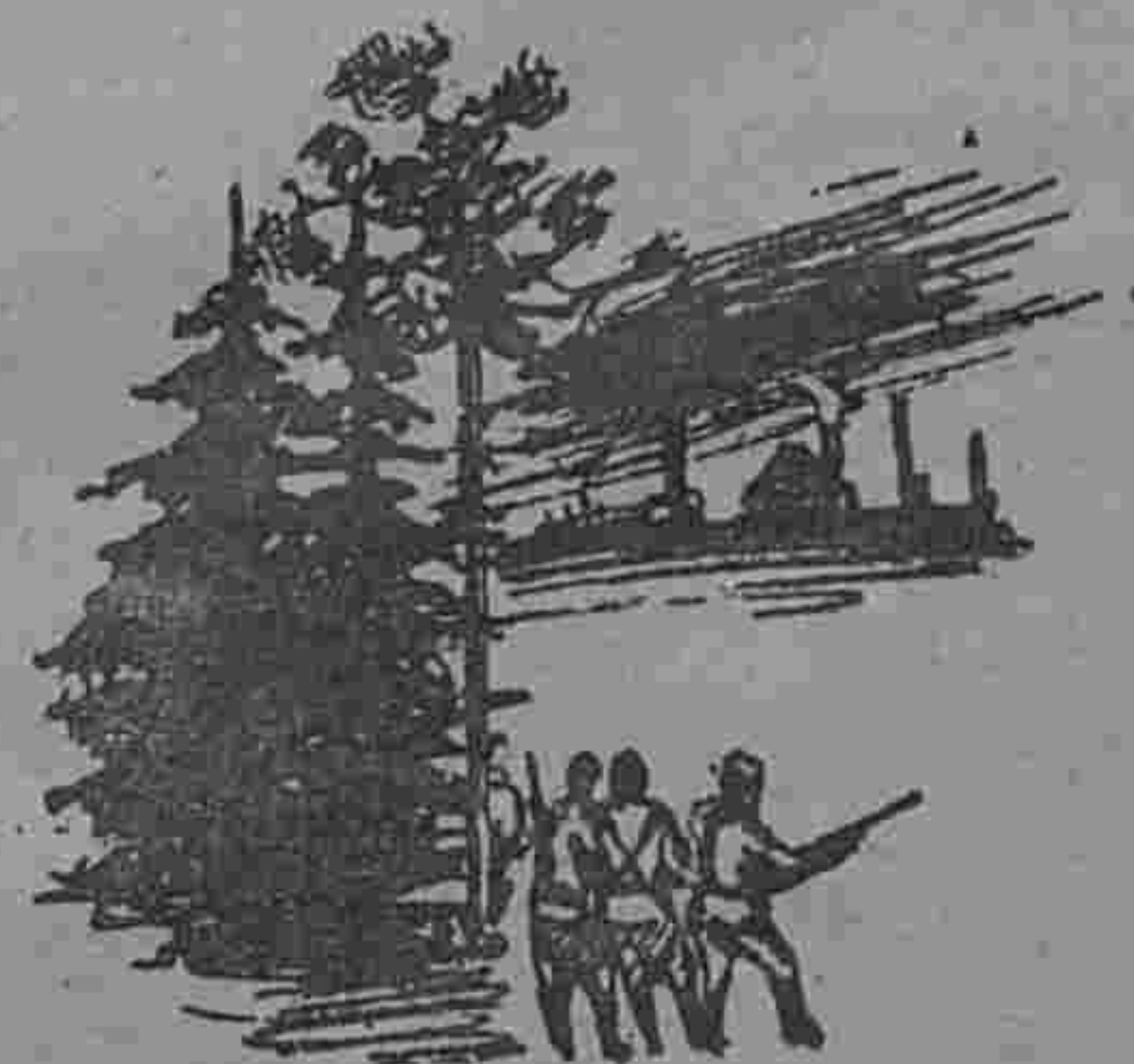
Эх, желтые сосны!
Эх, темные ели
Да сизый болотный туман!
В зеленых ущельях
Давно мы засели,
Отряд смельчаков-партизан.

Осенние ночи
Темнее мазута,
Бесшумно ползи и убей!
В лесной тишине,
Словно гром, загрохочет
Расплата за наших детей.

Кривые березы
Вдоль пыльной дороги.
Моторы, машины стучат...
Эй, друг, выходи
Из зеленой берлоги
С охапкой тяжелых гранат.

Шумите, пылайте,
Зарницы пожара!ш!
Врага выжигаем огнем!
Их глотки, привыкшие к пиву,
Товарищ,
Зальем раскаленным свинцом

Эх, желтые сосны!
Эх, темные ели
Да сизый болотный туман!
Недаром в лесу
Партизаны засели,
Отряд смельчаков-партизан.

«БЕЛЫЙ МЕДВЕДЬ»

рассказ красноармейца

Н. ТИХОНОВ

рис. Г. Петрова

Заняли немцы ту деревню, где мы постреляли их мотоциклистов. Так как мы вокруг этой деревни все время воевали, то хорошо изучили окрестности. Несчастные жители поразбежались кто куда, кого немцы замучили — танками давили, на кострах жгли, кого повесили.

Пошли мы вдвоем в разведку. Со мной был очень хороший разведчик, охотник, бывалый человек, Горюнов по фамилии. Много чего видал парень: и в Арктике зимовал, и лесного зверя бил, теперь от захватчиков родную землю очищает. Фамилия только у него была неподходящая — Горюнов, а нравом он как раз веселый человек, общительный, только посмеяться над товарищем любил.

— Я, — говорит, — оттого и веселый, что фамилия у меня пасмурная.

— Так перемени ее, — говорили ему, — жалко что ли?

— Жалко, — отвечает, — эту фамилию мои предки двести лет носили, с честью по морям с ней плавали, на Новую Землю ходили, с разными народами за родину сражались. Теперь у меня дяди ударники, я сам отличник по стрельбе, никак нельзя менять фамилию.

Много он рассказывал про особенности разных зверей, только в разведке — молчок. Говорить нельзя. Прошли мы немецкие посты. Подобрались к деревне. Деревня —

мрачная, ни огонька. Точная сожженная. И впрямь сожгли немцы не мало изб. Движемся мы по деревне тихо, как призраки какие. И вдруг видим: в одном окне свет. И говор слышен какой-то. Толкнул я Горюнова, показываю туда, он тоже в ответ толчок, мол, идем, посмотрим.

Подобрались к окну вплотную. Окно полураскрыто, а ночь осенняя, не то что прохладная, просто холодная, студеная ночь. Но в избе так натоплено — страсть. Пар прямо как из бани идет. Заглянул я в избу, прислонившись к стене, неслышно, и мне сразу горячо стало.

Не могу даже высказать словами, какую ненависть ношу я в сердце против обидчиков моей родины, угнетателей советского народа. В бою я зубами скрежещу от ярости, чтобы только до них добраться.

И в ту минуту, когда я заглянул в комнату, я прямо затрясся от ненависти. За столом сидел пьяный офицер, на столе стояла пустая поллитровка и лежал пистолет и нагайка, сбоку стоял в почтительной позе рыжий Емелька — сукин сын, а перед столом стоял маленький Вася и смотрел на офицера своими светлыми глазами, в которых было какое-то не детское упрямство. Все лицо его было в синяках, ссадинах и кровоподтеках. За ним у двери стоял солдат с равнодушной и усталой мордой, ему повидимому все наскучило и он только

Вещи норовят петлей поймать.

ждал офицерского приказа: пристрелить мальчишку и вся недолга.

Что-то перед этим было сказано решительное, и палачи ждали от Васи ответа. А он весь как-то собрался в один комок, шагнул и вдруг плюнул прямо в лоснящуюся Емелькину харю. Офицер свистнул и его рука медленно взялась за нагайку. Тут и я и Горюнов, не сговариваясь, выстрелили сразу. Офицер упал и солдат упал, а когда дым рассеялся, то мы услышали только грохот двери. Вася бежал в темноту и за ним ударился в бегство Емелька. Нам оставаться тут не годилось тоже.

— погоди, — шепнул мне Горюнов, — мы сейчас узнаем, что у них где есть.

Мы кинулись в сторону и натолкнулись на машину, у которой копошились какие-то фашисты. Горюнов размахнулся и закатил в них гранатой. Пламя разрыва осветило избы. По нас открыли стрельбу, но почему-то стреляли не в нас, а куда-то в сторону. Горюнов побежал к машине, я за ним. Он порылся в машине и, схватив мешок, забросил на плечо. Стрельба усилилась.

Мы, наклонившись как можно ниже, уходили к леску. Уходили, но все примечали. Вот заговорил их пулемет, второй. С поля пошли автоматные очереди. Мы отыскали у рощицы воронку от снаряда и притаились там. До рассвета оставалось недолго. Пополз туман, а потом он стал редеть. Сыро, холодно было вокруг. Только Горюнов похихикивал в кулак. Как стало совсем светло, увидели мы, что перед нами поле, а мы на бугорке. Тут Горюнов начал вынимать из рюкзака, что он унес, вещи самые разные, чего там только не было.

Он вытаскивал и раскидывал по полю возле воронки дамские туфли, чулки, платья, разноцветные шарфы, перчатки, макинтош, блок-ноты, страусовое перо, поеденное молью, галоши, пару ботинок, фетровую дамскую шляпу.

— Что это ты вздумал делать? Зачем тебе это барахло? — спросил я, очень удивленный, и тем, что он вынимает, и тем, зачем этот мешок ему понадобился.

— Все, что ты дальше увидишь — будет называться „белый медведь“, — сказал он, посмеиваясь.

С этими словами он начал ползать по скошенному полю и разбрасывать вещи, но так, чтобы они были заметны тому, кто пойдет по полю.

Когда он выполнил эту операцию, смотрю я и вижу, что вещи лежат как раз на пути из деревни к нам. Ничего не понимаю. Я думал, что Горюнов с ума сошел.

— Теперь, — говорит, — ты хорошо видишь перед собой?

— Хорошо, — отвечаю, — но, убей меня, не понимаю, что будет.

— А ты стрелять умеешь? — говорит он снова, посмеиваясь.

— Умею, не хуже тебя, дорогой товарищ.

— Ну, скажем, похуже, но все-таки не подкачай. А сейчас полежим, помечтаем...

Совсем стало светло и вижу я снова, что из деревни идут фашисты. Впереди идет рыжий Емелька. Это он наши следы ищет и, как собака, немцев ведет. „Ах ты, предатель рода человеческого, — подумал я, — уложу тебя сейчас“. И я уж хватить за винтовку, но Горюнов говорит: „рано, потерпи“.

Идут за ним фашисты во весь рост, горланят что-то. По плечу Емельку хлопают. И вдруг он увидел какую-то вещь, из брошенных Горюновым, и остановился, фашистам показывает. Тут-то самая пора стрелять, а мой приятель опять меня за руку: рано! Что такое?

И, действительно, не понимаю. Только хотел итти Емелька к этой вещи, как его грубо оттолкнули и все фашисты повалились на землю. Стал один с боку на бок переваливаться, что-то у себя в карманах

Раздались выстрелы...

искать, нашел веревку и стал ладить петлю. Потом ползком направился к дамской большой сумочке и пытается на нее петлю накинуть. Умора, честное слово. И тут я догадался, что происходит. Они боятся, что вещи заминированы, и что если за них возьмешься, взлетишь на воздух.

Смотрю и другой — петлей ловит фетровую шляпу, а сам от земли лицо приподнять боится. И третий веревку сучит. Ну и ну! Сучили они, сучили, ловили, ловили, поймали в петлю желтую сумку, первый из них потянул, и сумка запрыгала, как заяц, по полю. И все. Никакого взрыва. Тогда они встали на ноги и стали громко ругаться. Все в грязи, как свиньи. Стал их Емелька обчищать со всех сторон и пошли они тихим шагом подбирать вещи.

Тут меня толкнул Горюнов и началась потеха. Первыми выстрелами мы положили двух, что подалеже стояли. Передние залегли. Лежат, а все норовят вещи подтирить. Наконец один изловчился и схватил пару чулок, я вlepил ему пулю, так что он перевернулся и чулки выронил. Мы подстрелили еще двоих. Остальные с воeм стали отползать в деревню. Забыл сказать, что только у двух были ружья. Остальные только с ножами у пояса. Остался лежать Емелька, но его то мы караулили оба. Он не выдержал, что его одного оставляют, вскочил и — бежать, петляя, как лиса. Ну, тут сразу две наших пули его прошили. Он завертелся и свалился. Так мы эту гадость с лица земли стерли.

После этого вдруг по нас загудел миномет. Одна мина, другая. Засекли мы его местопребывание и пошли домой, но уже другой дорогой, вдоль речки по лозняку.

Как оставили тревожные места позади, я и говорю Горюнову: а при чем тут белый медведь?

— А вот при чем, — говорит он, — я раз на Новой Земле на белого медведя налетел. Он на меня вышел, и за мной. А у меня и ружье не заряжено. Все пули порасстрелял. Я знал, что он зверь любопытный. Скинул одну рукавицу, бросил, он — к ней, обнюхал, изорвал зубом и опять бегом за мной, бросил я другую рукавицу. Опять остановился, опять изорвал. Я кинул ему шарф — на, окаянный, любопытствуй. Так я и бежал, все по дороге раскидывая, вещь за вещь, а он все с остановками меня нагонял. Пока охотники не выручили, убили его у самого дома, и уж потом надо мной посмеялись. Ишь, говорят, целый базар устроил — сколько вещей набросал. Вот я и вспомнил сегодня про белого медведя и подловил фашистов на их же награбленное.

НЕОБЫЧАЙНЫЙ КОМАНДУЮЩИЙ НЕОБЫЧАЙНОЙ АРМИИ

Можете ли вы представить себе армию, регулярную армию, которая сражалась бы по всем правилам военного искусства, побеждала бы неприятельские войска и при этом не имела бы в своем составе ни одного генерала, ни одного офицера чином старше капитана?

Это кажется невероятным. Но такая необычная армия все же существовала во времена Французской революции. Военный министр революционной Франции, замечательный ученый Карно, должен был назначить командующего французской армией в Испании.

Он нашел достойного кандидата: это был капитан Латур д'Овернье. С первых же дней революции Латур д'Овернье вступил в ряды революционной армии, чтобы защищать родину от неприятеля. Его отвага, умелое командование снискали ему любовь солдат и известность во Франции.

Капитан Латур д'Овернье был незаурядным ученым: его труды по истории обратили на себя внимание крупнейших историков. Все это знал Карно и считал Латура д'Овернье достойным принять командование армией.

Но тут возникло неожиданное затруднение: Латур д'Овернье не желал никаких повышений. Он гордился своим чином капитана, — ведь в этом чине застала его революция.

Что было делать Карно? Младший, конечно, не мог распоряжаться старшими.

Но Карно удачно вышел из этого затруднения. Он назначил Латура д'Овернье командующим армией, но в этой армии ни один офицер не имел чина старше капитана.

Латур д'Овернье оправдал надежды военного министра. Увенчанный новой славой вернулся он из Испании. Когда его собирались снова назначить на высокий пост, его капитанский чин снова явился помехой. Тогда Карно сделал д'Овернье простым, но необыкновенным гренадером: ему было присвоено звание „первого гренадера Франции“.

При жизни „первого гренадера Франции“ встречали с таким почетом, каким не пользовался ни один из генералов. А при вести о его смерти даже закаленные в боях гренадеры не могли удержаться слез.

Но и после своей кончины герой удостоился необыкновенных почестей. Так, ежедневная переписка в его бригаде начиналась всегда его именем.

Выкликалось имя Латура д'Овернье. Некоторое время длилось молчание. Тогда выступал правый фланговый гренадер и отвечал: „Пал на поле чести...“

Память о первом гренадере Франции долго жила в сердцах его солдат. В 1805 году авангард главной армии французов проходил по дороге вблизи Нейбурга. И вдруг случилось что-то непонятное. Весь авангард повернул в Нейбург.

Гренадеры шли к могиле Латура д'Овернье, чтобы поклониться его праху и наточить свои сабли о надмогильный камень, под которым лежал „первый гренадер Франции“.

РАССКАЖИТЕ НА ШИОНЕРСКОМ СБОРЕ

КАК РАБОТАЮТ НАШИ АРТИЛЛЕРИСТЫ

БЕСЕДА ПОДПОЛКОВНИКА С. ФАСТРИЦКОГО

Ребята!

Мне хочется рассказать вам, что нужно делать уже сейчас для того, чтобы стать в будущем советскими артиллеристами.

Однажды зимой после боя я подошел к группе пленных. Переводчик скомандовал им „смирно“ и пояснил: „наш начальник, артиллерист“.

Немцы — кто присел, закрыв лицо руками, кто поднял руки, кто отшатнулся в сторону — почти все закрыли глаза. Казалось на них падает тяжелый снаряд. Нет ничего, тишина. Просто само слово „начальник артиллерии“ — после того как они испытали действие наших снарядов — привело их в ужас. Поняв это, все мы рассмеялись. Но мне долго не забыть этого ужаса немцев и своего чувства гордости и радости за наших артиллеристов.

Но, ребята, это не так просто. Мы не должны забывать и другое: наказ нашего учителя — „стать мастерами своего оружия“.

Без знаний, без работы над собою, нельзя победить. Мы учимся и сейчас во время войны. Те же из нас, которые учились хорошо до войны — приносят много пользы делу родины в каждом шаге своей работы.

Помню такой случай. Наше соединение прорвало передний край обороны противника, врезалось в глубину.

Нас встретили артиллерийским огнем с юга, запада и востока.

Чтобы обеспечить продвижение нашей пехоты, чтобы заставить замолчать артиллерию противника, нужно было определить место точного нахождения его батарей. А кругом лес. У нас не было наблюдательных пунктов. Далеко мы не видели.

Одна немецкая батарея была особенно нахально. Снаряды рвались около наших землянок. Ранило моего разведчика, верного узбека Иргаша. Расцеловались мы с ним, простились, а на ухо я шепнул ему: „Иргашка — мы подавим ее!“ Наступает ночь. Решаем мы послать двух боевых ребят ночью прямо к немецкой батарее с картой, компасом — определить поточнее место батареи.

Нашелся такой боевой командир, хорошо знал он топографию. Добрались они с разведчиком почти до самой батареи, лесом по болоту. Дождались, когда она заработала, и ориентирував карту, почти точно определили ее место.

На утро дали мы этой батарее жару — и больше ее не слышали.

Командир взвода — один наш разведчик своими знаниями топографии много помог нам в этом деле.

Помню, долго мы боролись с врагами за один совхоз. Немцы забрались во все щели, в подвалы, зарылись — и не хотели вылезать из своих насиженных дыр.

И все-таки мы их одолели. Одолели своим огнем. Вечером приходит ко мне общевойсковой командир. Молча обнимает меня и говорит: „Сергей, я к первому к тебе пришел — что твои артиллеристы сделали — все подвалы, все дыры стали могилой фашистов“.

Как добились этого артиллеристы? Учебой, знанием математики и своего оружия.

Молодой, ему всего двадцать один год, командир батареи старший лейтенант Воронов забрался на дерево в пятистах метрах от немцев. Он умело замаскировался, наблюдал, отыскивал огневые точки. А потом бил прямо, расстреливая фашистов в упор. Подсчеты он делал очень быстро, так как хорошо знал математику и его снаряды ложились с математической точностью.

Другой командир батареи днем забрался на колокольню церкви, понаблюдал хорошенько, а ночью подвел орудия и раздолбил фашистские гнезда прямой наводкой.

На-днях меня просит один командир: „уничтожьте проклятый танк — покою не дает“. Узнаю, что немцы зарыли подбитый танк в землю, поставили орудия и стреляют оттуда. Подкатить близко свое орудие и раздолбить врага прямо мы не могли.

„Засекли“, то есть определили эту точку с двух наблюдательных пунктов, получили координаты цели — и дали наши артиллеристы по фашистскому танку несколько тяжелых снарядов. Что от него осталось — сами понимаете. Опять математика помогла.

Видите, мастер своего оружия — сумеет достойно встретить врага.

Вам, ребята, нужно учиться и учиться — это ваша боевая задача.

Хочешь быть хорошим артиллеристом, танкистом, летчиком или стрелком — учи алгебру, геометрию, тригонометрию и физику — сейчас, пока молод, пока сидишь в школе. В этом сила нашей техники, нашей Красной Армии. В этом залог победы над озверелым врагом.

Е. БОРОНИНА

рис. В. Конашевича

Это случилось в июне 1916 года во Франции. Двое суток горсточка людей отбивала атаки двух немецких полков, рвавшихся к одному форту знаменитой Верденской крепости.

Сотни вражеских снарядов обрушивались на участок батальона капитана Рейноля. Батальон с трудом удерживал свои позиции. Боеприпасы кончались, а помощь не приходила. Напрасно капитан Рейноль пытался установить связь с фортом. Смелчаки-связисты гибли на линии огня.

На третьи сутки немцы применили огнеметы. Несколько десятков солдат, обожженных пламенем, выбыло из строя.

В уцелевшем блиндаже и окопах оставалось уже меньше полуроты солдат. Отступить? Сдаться? Пропустить немцев к форту? Нет! Лучше умереть.

Упорство французских храбрецов взбесило немцев и они пустили в ход одно из самых страшных орудий войны — удушливый газ.

Смертельные пары поплыли к участку капитана Рейноля. Уже несколько солдат, застигнутых врасплох, было отравлено. Они умирали в жестоких мучениях.

Как установить связь с фортом? Как сообщить командованию о положении батальона? Через несколько часов немцы могут прорвать фронт...

В нижнем отсеке блиндажа, в маленькой клетке сидел голубь. Обыкновенный почтовый голубь по кличке „Малыш“. Его взял на позиции на всякий случай молодой лейтенант. Сам капитан Рейноль не верил в надежность голубиной почты. „Голубь — птица глупая! — говорил он. — Где ей перелететь через весь этот ад!..“

Но теперь голубь был последней надеждой. Лейтенант написал донесение в форт, привязал его к лапке „Малыша“ и выпустил птицу на волю.

Близился вечер. Черные тяжелые тучи заволокли небо. На горизонте сверкнула молния. Но раскатов грома не было слышно. Их заглушали разрывы снарядов, трескотня пулеметов.

Потом дождь вместе с градом хлынул на цветущие, когда-то прекрасные поля, теперь истерзанные войной.

Вблизи шоссе у куста дикого шиповника лежал маленький серенький комочек. Это был „Малыш“. Голубь казался мертвым. Но, нет, он был жив. Только его правое крыло было подбито осколком.

Судорожно дыша, птица с трудом перебралась под куст шиповника.

Прошел час, два, три... Попрежнему хлестал дождь. Вспышки орудийного огня освещали небо.

— Если к утру не придет помощь, немцы прорвут фронт, — говорил капитан Рейноль лейтенанту. — А голубь птица все-таки глупая, — прибавил он. Лейтенант промолчал.

Уже близился рассвет.

А, там, у шоссе маленький, пернатый почтальон боролся со смертью. Голубь попробовал расправить крылья, взлетел. Снова вернулся под куст шиповника... Опять взлетел и скрылся в темноте. „Малыш“ стремился вернуться домой, в свою родную голубятню. Туда в форт!

С каждым взмахом силы птицы слабели, но она все-таки летела. Домой, во что бы то ни стало, домой!

Дежурный офицер форта в три часа ночи поднялся на голубятню. Маленький серый комочек неподвижно лежал у одной из клеток. Дежурный поднял голубя. „Малыш“ был мертв.

К лапке птицы было привязано письмо. Он прочел его. Вот, что было написано в письме:

„Мы защищаемся, на нас нападают с газами и пламенем. Необходима срочная помощь. Подайте немедленно сигнал из форта. Это наша последняя надежда. Это наш единственный голубь“.

Дежурный погладил мертвую птицу и побежал в штаб форта. Через три минуты две белых ракеты и одна красная взвились над фортом. Это был условный сигнал о помощи.

Ракеты увидел капитан Рейноль из своего блиндажа. Он протянул лейтенанту руку и сказал: „Да, я был не прав. Ваш „Малыш“, — молодец. Он заслужил орден Почетного легиона“...

Рассказ ПАРТИЗАНКИ

Когда началась война, в районе, где я работала, организовался истребительный батальон. И я вместе с тремя моими подругами-комсомолками двумя Тамарами и Тоней записалась в истребители. Мы и раньше умели неплохо обращаться с винтовкой, были знакомы и с санитарным делом. Но в боевые дни этих знаний было недостаточно. Мы стали по-настоящему учиться санитарному делу при больнице. Часами стреляли мы в цель и научились бить из винтовки точно и метко.

Вскоре на нашу территорию нагрянули фашистские орды. Наш батальон разбили на партизанские отряды. Мы с Тоней записались в партизанский отряд. И сразу же началась наша боевая жизнь, полная опасностей и приключений.

Было 12 часов ночи, когда бесшумно, на паромах переправились мы через реку. Отблески близких пожаров освещали наш путь, гремели приближающиеся орудийные раскаты.

Мы причалили к берегу и углубились в лес. Так началась моя партизанская жизнь.

Задачей нашего отряда была разведка. Пробираясь между кустами, перебежками или ползком подбирались мы к шоссе, по которой двигались вражеские части.

Нередко сутками лежали под дождем или в болоте, наблюдая и выслеживая силы врага. Случалось, пробирались мы к деревням, где только что побывали фашистские карательные отряды.

Мы видели еще догоравшие избы, видели ограбленных, замученных жителей.

Помню, однажды я наткнулась на труп 7—8-летнего мальчика. У него на щеке был след ножевого удара, он был убит несколькими пулями. Жители рассказали мне, что мальчик хотел сесть на немецкую лошадь, которая ему очень понравилась. За это офицер приказал расстрелять его на месте. Долго смотрела я на труп ребенка, сердце мое закипело, и я поклялась отдать все силы на разгром и уничтожение проклятых убийц.

Однажды у местечка К. мы подстерегли колонну автомашин с боеприпасами.

Мы залегли в кустах и, подпустив машины, забросали их особыми снарядами с горючим; так сожгли мы и уничтожили восемь машин. Другой раз мы забросали гранатами автоколонну с фашистскими солдатами. Было это в сумерки, фашисты не ожидали нападения. Они растерялись: одни открыли беспорядочную стрельбу, другие стали выскакивать из машин. Но их пули не причиняли нам вреда, а наши били метко. Больше двадцати фашистов осталось лежать на дороге.

Наш отряд прибыл по назначению. Теперь мы уже были опытными бойцами. И когда нам пришлось переправляться через реку, нас не устрасил ураганный огонь немцев.

Это была жаркая переправа, в полном смысле этого слова.

От пылающих кругом пожаров от дыма было трудно дышать.

Нас обстреливали из минометов, пулеметов, трассирующие снаряды со свистом пролетали над нами, оставляя светящийся след.

Наш командир погиб, но мы не повернули обратно. Мы переправились на другой берег, залегли и заняли оборону на узеньком участке. В двухстах метрах были враги. Отсюда, разбившись на две части, начали мы наступление, вклинились в расположение гитлеровцев и окопались.

Была еще темная ночь, и враги думали, что нас много. Несколько раз ходили они в атаку, мы подпускали их совсем близко и тогда открывали ураганный огонь из автоматов и забрасывали гранатами. И каждый раз, не выдержав, немцы откатывались назад, оставляя убитых и раненых.

В нашем отряде была девушка Катя, она без устали ухаживала за ранеными, я помогала ей. Какая это была мужественная девушка! Сколько жизней она спасла. Но скоро мы расстались. На третий день меня с одним бойцом послали в разведку. Мы проползли несколько сот метров и выяснили, что наша часть окружена.

Ночью незаметно удалось нам ползком пробраться мимо врагов и присоединиться к соседней части.

Тем временем началась переправа регулярных красноармейских частей. Помню, когда первые наши танки выползли на берег, мы кинулись им навстречу, и у меня от радости слезы были на глазах. А командир, первый, который вышел на берег, крепко нас расцеловал и, сказал: „Ну, и молодцы же вы, партизаны — с вами не пропадешь“.

Потом мы, забыв про усталость, пошли в атаку вместе с нашими регулярными частями. Мы крепко отомстили фашистам за смерть наших товарищей. В этом сражении мы с Катей вынесли с поля боя командира роты и много раненых бойцов.

Когда я ползла по-пластунски с раненым на спине, задело и меня в ногу осколком. Я наскоро перевязала раненое колено и поползла дальше.

Потом меня эвакуировали в Ленинград в госпиталь, и когда я подлечилась, направили в райком на комсомольскую работу. Но я горю желанием опять взять в руки любимый свой автомат и уничтожать проклятых убийц, пока ни одного гитлеровца не останется на родной нашей земле.

О СМЕЛЫХ И ОТВАЖНЫХ

СОКОЛОК

Илья БРАЖНИН

Он вышел на линию. Противник вел сильный огонь и клал по линии снаряд за снарядом. Но для Сокола это ровно ничего не изменяло. Итти все равно было нужно, и он шел. Батарея не могла молчать. Огонь надо было вести непрерывно и точно.

— Ты понимаешь, что это значит, Сокол? — спросил капитан.

— Вполне понимаю, товарищ капитан, — ответил Сокол.

Он повернулся и пошел на линию. Он шел и повторял: „Линия должна работать при всех обстоятельствах“.

Низкорослые березки протягивали к нему тонкие голые ветви. Их бил суровый северный ветер; под ними был бесплодный камень, но они мужественно тянулись вверх, к низкому холодному солнцу и полузанесенные снегом ждали своей весны.

Он шел по заснеженному бугру, не отрывая глаз от змеившегося у ног его провода. Глухие далекие удары за его спиной стихли. Это умолкли пушки его батареи. Они ослепли. Они были слепы без этого провода, который вился у ног Сокола.

Сокол наклонился. Наконец-то. Вот он обрыв. Сокол присел на снег. Где-то близко падали и рвались снаряды. Он не оглядывался. Он торопливо чистил концы провода. Но в то мгновение, когда он готовился срастить их, он услышал у самого уха пение пуль. Они шли стайками — должно быть били из автоматов. Сокол поднял голову и увидел с пригорка, на котором лежал, нескольких немцев. Они заметили связиста и не хотели допустить исправления линии. Но он хотел как раз того, чего не хотели они.

— Линия должна работать при всех обстоятельствах, — сказал он громко и сунул зачищенные концы в рот. Потом соединил их во рту и сжал зубами. В то же мгновение он почувствовал на языке кислотку и легкие покалывания. Ага. Ток есть. Линия может работать.

Теперь руки его были свободны. Он поднял винтовку и выстрелил. Потом еще и еще. Немцы залегли в ложине и вели бешеный огонь. Сокол отвечал им из своей винтовки. Он должен отогнать их и наладить линию. Осталось работы всего на одну-две минуты. Ему нужны всего одна-две минуты. Но он их не имел. Он боялся вынуть концы провода изо рта. Его могут убить в ту самую минуту, как он начнет сращивать их, и тогда восстановить связь будет уже некому... Нет, сперва отогнать, а потом он все сделает. Снять вон того долговязого... Так. И еще вот того, в овчинном жилете. А связь ведь пока есть. Он сжимал провод зубами и ему мерещились голоса, которые звенят в тонкой проводке.

Он слышал за спиной гулкие удары... Это его батарея... Это его пушки заговорили. Над

его головой, туда, к немцам прошуршали, как бы ввинчиваясь в воздух, снаряды. Он улыбнулся кривой улыбкой, так как не мог выпустить изо рта провода... И в это время пуля ударила его в бедро... Он не мог оглянуться, не мог даже осмотреть рану. Его держал провод, и надо было вести огонь. Огонь. Он стрелял. Кровь медленно сочилась из бедра. Он чувствовал ее горячий ток. Кровь дымилась на снегу. Вторая пуля ударила в плечо... Это было скверно... Для выстрела надо было упираться локтями в снег, а с разбитым плечом это было невозможно. Но он вел огонь. Это очень трудно, очень трудно. Каждый выстрел причинял невыносимые страдания. Винтовка отдавала в разбитое плечо и кровь бежала острой, горячей струйкой. Потом она опять только капала. Ее все больше и больше было на снегу, и все меньше ее становилось в теле Сокола. Ваня Сокол. Его никто не звал иначе... Все забыли, что фамилия его Соколов. Окончание фамилии как-то само собой затерялось. Его звали — Сокол, иногда Соколок, но никогда Соколов.

Ему было всего девятнадцать лет. Он родился в маленьком сонном городке, который теперь стал ареной невиданных битв. Он плохо помнил свою родину, но когда узнал, что городок взят, он почувствовал, что именно с этим крохотным приволжским городком он навсегда соединен какими-то незримыми нитями, тянувшимися от самого сердца. А потом выяснилось, что эти же незримые нити тянутся из сердца во все городки и местечки и села, названия которых он читал в сводках. Сколько их, сколько их...

Голова кружится... Он слабеет. Все путается. И глаза... Они неясно различают цель... Хочется разжать зубы и глотать морозный воздух широко раскрытым ртом. Но этого нельзя делать. Главное — не разжать зубов и чувствовать эту кислотку и эти покалывания, знать, что через эти сжатые зубы капитан отдает по взбегающему на бугорок проводу приказания на батарею...

Он сказал: „Линия должна работать при всех обстоятельствах“. „Она работает, товарищ капитан!“ Сокол хотел вскинуть голову... Ему показалось, что он стоит перед капитаном, подтянутый, стройный, плотный, живоглазый Ваня Сокол.

Но он не стоит перед капитаном. Он лежит... Голова откидывается назад, потому что пуля попала прямо в висок... Он откидывается назад, потом падает лицом в снег. В короткое мгновение, отделявшее жизнь от черного небытия, он успел уловить глухие удары за спиной. Батарея, его батарея вела огонь... Издалека, из-за высоты, горное эхо донесло протяжное и долгое „ура“. Стрелки шли в атаку... От их цепей до батареи бежал через ложины и пригорки черный провод. На пути его лежал мертвый Ваня Сокол, сжимая зубами зачищенные края провода.

Резонанс

Л. ВЕККЕР

Не каждая сброшенная с неприятельского самолета бомба поражает цель. Случается, что она и не разрушает здания. Но следы ее могучего сокрушающего действия всегда видны повсюду: где разбиты оконные стекла, где вырваны рамы, где отлетела штукатурка, кирпичи.

Очень часто гигантская волна разбушевавшегося воздуха причудливо выбивает одни стекла и щадит другие в том же самом здании.

Однажды я видел: в доме, недалеко от места взрыва, уцелели все стекла. А вот массивная дверь в углу здания сорвалась с петель, и вырвав раму, отлетела далеко в сторону.

Я сразу не мог найти этому объяснения. Оно пришло случайно. И вот при каких обстоятельствах.

Зимой я жил в комнате, расположенной в центре большой квартиры. От черного и парадного хода мою комнату отделяло не меньше четырех плотно закрытых дверей с каждой стороны. Услышать стук в квартиру мне понятно было не легко.

Однажды у себя в комнате я напряженно вслушивался в каждый шорох, каждый звук—ко мне должны были придти.

И вдруг я заметил: около плотно закрытой двери, ведущей в соседнюю комнату как-то странно задрезжал шкаф. Казалось, что стучат из соседней комнаты. Но там никого не было!

Правда, я и раньше замечал, что шкаф иногда дребезжит. Быть может, думал я, промчался грузовик или этажом выше передвигают мебель.

Но почему дребезжит один шкаф, об этом я тогда не задумывался.

В этот вечер я сразу же пошел к парадному ходу. Но там никого не оказалось.

Я возвратился и вскоре снова услышал дребезжание. Я снова пришел к парадной. Никого...

А в третий раз я направился к двери черного хода. И верно—в нее стучал человек, которого я ждал. И стучал он уже в пятый раз. Два раза—в дверь парадного хода и три раза—в дверь черного хода.

Значит, шкаф дребезжал именно тогда, когда стучали в дверь черного хода. Это было особенно странно: другая дверь, той же комнаты, находившаяся метров на десять

ближе к черному ходу, оставалась спокойной.

Наверное, я не доискался бы объяснения, если бы случайно не заметил, что дребезжащая дверь и по форме и по размеру соответствует двери черного хода.

Тогда я сразу понял все!

Я вспомнил, а может быть и вам это приходилось наблюдать, как стоит ударить какую-нибудь ноту на одном рояле, чтобы на другом рояле, находящемся в той же комнате, зазвучала именно та же нота.

Что же происходит тогда? Ударили клавиши на первом рояле,—струна заколебалась—зазвучала. Ее колебания передались воздуху. А колебания воздуха раскачали такую же струну второго рояля. Только одну—с одинаковым ритмом колебаний. И вот вы слышали ту же самую ноту, зазвучавшую на втором рояле.

Это явление физики называют резонансом.

То же самое произошло и с дверью в моей комнате. При стуке в дверь черного хода колебания передавались по стенам и достигали всех других дверей квартиры. Но раскачать, привести в заметное движение удавалось только ту дверь, которая имела ту же форму и размер, что и входная. Потому что у них одинаковый ритм колебаний.

Вы, конечно, много раз качались на качелях, и хорошо знаете, что качели легко раскачать, если ваши толчки попадают в ритм их качаний. Иначе качели остановятся—вы их затормозите.

Так же и с дверьми. От толчка первого стука начинают раскачиваться все двери квартиры. А та дверь, ритм качаний которой совпадает с колебаниями входной двери, начинает заметно раскачиваться. У других раскачивание тормозится.

То же самое и с вылетевшей во время взрыва дверью во дворе.

Случайно подземные толчки и колебания взрывной волны прищлись в такт собственным колебаниям двери и раскачали ее так сильно, что сорвали с петель и отбросили.

Понятно, что потом в течение зимы дребезжание моей двери заменило мне звонок и я больше не боялся, что ко мне не достучатся.

Если вы наблюдательны, может быть и вам удастся подметить подобное проявление резонанса.

« НА ВОРЕ ШАПКА ГОРИТ »

Давно это было. Совершил вор кражу, а кто украл, никто не знал. Пострадавшие обратились к знахарю.

Повел знахарь пострадавших на базар. Там всегда полным-полно народу бывало.

И вот здесь в толпе знахарь крикнул:

— Поглядите-ка на воре шапка горит!

Не успели все опомниться, а вор уж за голову схватился. Так и выдал себя.

Мы не знаем верен ли этот рассказ. Но безусловно верно, что испугом и неожиданностью можно заставить человека признаться в своем проступке.

Вот какой случай рассказывает известный русский ученый этнограф Максимов.

Молодой лесничий бродил по лесам Печорского края. Была у него астролябия и съестные припасы. Работала у него артель рабочих. Это были простые, честные люди. Они даже замков не знали.

Все шло хорошо. Работали дружно, жили в согласии. И вдруг среди них оказался вор. Украл сапоги, а в них деньги были спрятаны.

Стали рабочие просить лесничего помочь разыскать вора.

Что делать? Посоветовался лесничий с одним стариком, его все рабочие уважали.

Но старик ни на кого не мог указать. В артели все люди известные, честные.

Был один чужой, пришлый, да и тот теперь как свой стал.

Задумался лесничий. Все выведал о пришлом рабочем. Узнал: парень то в одну артель нанялся, то в другую, где до срока уходил. Нетвердый, ненадежный,

и — вероятнее всего и виноватый.

Тогда поставил лесничий всех своих рабочих в круг. Около них круг очертил палкой и зачурал:

— Синус-косинус, тангенс-котангенс, диагональ, дифференциал, интеграл, бином Ньютона, выручай! Астролябия и мензула, помогите!

Заподозренного рабочего лесничий поставил прямо против северного румба компасика.

— Смотрите все на меня! — приказал он.

Потом сильно разогнал стрелку: посуетилась она, помигала под стеклом и встала острием прямо против того парня.

Заподозренный возмутился:

— Врет она на меня. Она сможет указать и на другого. Я не согласен. — Надо, по закону, до трех раз пытаться. Гони ее опять!

Но и во второй раз стрелка снова указала на него. Все молчали, словно мертвые.

Лесничий опять повторил непонятные слова, и снова разогнал стрелку. Все повystупили с мест подозреваемый дальше всех.

Стрелка побегала, вздрагивая, и, как охотничья собака, тыкалась и суетилась, словно отыскивала виноватого.

Рабочие старались, догнать стрелку глазами и, как вкопанные, остановили их вместе с нею на парне. А виноватый упал на колени, а лицо в траву спрятал. Полежал и говорит:

— Моя вина: берите вашу вещь! Ничего теперь не поделаешь! Ваш меч — моя голова!

★

СЛОВА И КАМНИ

Когда знаменитый поэт Ариосто построил себе маленький дом, он пригласил на новоселье своих друзей.

Один из приятелей удивился и спросил Ариосто:

— Почему ты, воспевший в стихах пышные дворцы, удовольствовался таким маленьким, скромным жилищем?

Поэт ответил:

— Слова дешевле, чем камни!

ЖЕСТОКИЙ ЗАКОН

Один жестокий правитель не желал никого впускать в свои владения. У моста через пограничную реку он поставил часового и приказал ему допрашивать каждого путника: зачем идет?

Если человек отвечал неправду, часовой должен был повесить его на стоявшей у моста виселице. Если же путник говорил правду, то и тогда ему не было спасения: часовой должен был утопить его в реке.

Понятно, что каждый боялся приблизиться к мосту.

Но нашелся, однако, крестьянин, который, несмотря на этот жестокий закон, спокойно подошел к запретной границе.

— Зачем идешь? — сурово остановил его часовой.

— Иду, чтобы быть повешенным на этой виселице!

Что было делать с крестьянином? Повесить? Но тогда значит, крестьянин сказал правду. А ведь за правду приказано не вешать, а топить. Но и утопить было нельзя: ведь это значило, что крестьянин сказал неправду, а лгуна надлежало вешать.

Как ни строго исполнял часовой жестокий приказ, но он ничего не мог поделать со сметливым крестьянином.

Знаешь ли ты, что...

... Энергия заряда пороха, выбрасывающего ружейную пулю, равна энергии 100 человек бросающих по камню, а энергия пороха, выбрасывающего тяжелый снаряд, равна энергии примерно 1 000 000 человек, бросающих по камню.

... В русско-японскую войну один убитый приходился на 1053 выпущенных пули.

... В франко-прусскую и русско-японскую войны затраты на одного убитого исчислялись в 40 000 рублей; в первую мировую войну этот расход был еще больше и достигал нескольких сотен тысяч рублей; примерно такой же

была бы стоимость одного убитого старинной пращей, если бы она метала не кремень, а алмазы.

... К концу прошлой мировой войны у союзников было 900 танков, а у немцев — всего 10.

... Современное артиллерийское орудие выбрасывает снаряд со скоростью приблизительно 1 километр в секунду.

Если бы снаряд удалось выбросить горизонтально из орудия со скоростью 7,9 км/сек, то он начал бы вращаться вокруг Земли, подобно ее спутнику.

Если бы удалось выбросить снаряд из орудия вертикально со скоростью 11,2 км/сек, снаряд на Землю не вернулся бы и улетел бы в мировое пространство.

... Для того, чтобы два предмета (синий и красный), находящиеся на одинаковом расстоянии казались нам одинаковыми по величине, красный должен быть больше синего. Когда впервые изготовили французский национальный флаг, состоящий из красной, синей и белой полос, произошло недоразумение: полосы одинаковых размеров казались

разного размера. И только когда стали делать полосы одну шире другой, разница исчезла, и они казались одинаковой ширины.

... Летящую пулю, находящуюся в самых высоких точках своего полета, можно поймать руками, не причинив себе вреда. Были случаи, что летчики свободно ловили руками достигающие их пули.

... Человек, идущий по улице с юга на север, непрерывно увеличивается в весе, а идущий в обратном направлении — уменьшается, теряет в весе.

Изменение происходит на ничтожную величину и потому, конечно, не заметно.

... В недавно изобретенном электронном микроскопе можно сфотографировать отдельную молекулу белка — вещества, из которого состоят клетки живого организма.

... В атомах одного грамма вещества содержится такое количество энергии, которое можно получить сжиганием 1000 вагонов нефти.

СОДЕРЖАНИЕ

Ленинград — Стихи А. Гитович. Рис. Т. Правозудович . . .	1	Малыш — Рассказ Е. Борониной. Рис. В. Конашевича	19
Боец второй родины — Рассказ Ф. Грачева. Рис. Г. Петровой	2	Рассказ партизанки — Рис. Н. Петровой	20
Юный связист	6	О смелых и отважных. Соколов — Очерк И. Бражнина	21
Н своим — А. Бусырев. Рис. Е. Белуха	7	Резонанс — Очерк Л. Веккер	22
Великий хирург войны — Очерк Ф. Копылова	8	На воре шапка горит	23
Ответ Джамбулу — Стихи В. Зужау-Невского. Рис. Г. Петрова	11	Слова и камни	23
Выстрел — Е. Терник. Рис. Г. Фитингофа	12	Жестокий закон — Рис. В. Конашевича	23
Зеленые петлички — О. Кузнецова. Рис. В. Бомаш	14	Знаешь ли ты, что?	24
Песня партизан — Стихи Я. Новикова	14	Защитницы родины — Рис. Н. Петровой. 2-я стр. обложки.	
Белый медведь — Рассказ Н. Тихонова. Рис. Г. Петрова	15	Юные ленинградцы — 3-я стр. обложки.	
Необычайный командующий необычайной армии	17	Наши девушки — В. Орлов и Евг. Рысс. Рис. В. Конашевича 4-я стр. обложки.	
Расскажите на пионерском сборе: Как работают наши артиллеристы — Беседа подполковника С. Фастрицкого	18		

На обложке рисунок В. Конашевича: „Ленинградские дружинницы“.

АДРЕС РЕДАКЦИИ: ЛЕНИНГРАД, УЛ. ПРОЛЕТКУЛЬТА, 2.

Непринятые рукописи не возвращаются.

Отв. редактор А. ГОЛЬДИН.

Зам. отв. ред. Н. ТЕРЕБИНСКАЯ.

Воспитанники Красной Армии

Если бы неприятельский летчик попытался с высоты обна- ружить бронепоезд, это ему не удалось бы, так хорошо поезд был замаскирован.

А на бронепоезде шла кипучая жизнь. На одной из раскрытых площадок разместился оркестр. И возле поезда на лужайке стоял хор.

Это агитзвод давал обычный концерт. Уже пропели частушки, прочли стихи о знатном снайпере и на лужайку выбежали четыре танцора. Они закружились, за- вертели, пошли в присядку...

Танцоры — не бойцы, хоть оде- ты они в военную форму. Это воспитанники агитзвода — вос- питанники Красной Армии.

Их шесть человек. Все они — ученики ленинградских школ. И все — участники ансамбля песни и пляски Дворца пионеров.

До войны они собирались по окончании школы поступить в вуз, а в свободное время про- должать заниматься танцами.

Но 22-го июня 1941 года рух- нули все их планы. Враг начал окружать Ленинград кольцом блокады. Вскоре закрылся Дво- рец пионеров, распался ансамбль.

Но эти ребята не бросили лю- бимого дела. Они начали рабо- тать в ансамбле песни и пляски РСФСР и в агитбригаде дома Красной Армии. Они выступали в красноармейских частях и под- разделениях.

Но тяжелая зима сказыва- лась — ребята хворали, им труд- но было танцевать.

Тем временем ансамбль РСФСР уехал из Ленинграда. Но ребята не хотели оставлять родной го- род в эти суровые дни.

Быть полезными стране и ар- мии, — вот о чем мечтали ребята. Развлечь бойцов в минуты отды- ха, ободрить их, помочь им пре- одолеть трудности войны — раз- ве это не лучшая награда за ли- шения, которые испытали ребята этой зимой? Хотелось выступать в действующей армии, на пере- довых. Но осуществить это ни- как не удавалось. И вдруг, когда никто уже не надеялся, мечтам ребят суждено было осуществ- виться.

Ребят разыскал их бывший руководитель во Дворце пионе- ров, теперь лейтенант.

С радостью пошли ребята ра- ботать в агитзвод, который ор- ганизовывал их бывший руково- дитель.

Так стали ребята воспитанни- ками Красной Армии. Через пять дней они уже показывали свой первый танец. Танец понравился командованию. Так ребята нача- ли свою работу в Красной Армии.

Шестерка воспитанников от- лично работает и пользуется любовью красноармейцев и ко- мандиров. Ребята получают мно- го писем, в них славные воины благодарят их за работу.

„Ваша работа, пишут бойцы помогает нам в нашей тяжелой борьбе и вдохновляет на беспощадную расправу с ненавист- ным врагом во имя спасения на- шей родины, нашего искусства, наших прав. Работайте, товари- щи, совершенствуйтесь. Фронт — лучшая школа!“

И верно — для этих ребят фронт, армия стали школой жиз- ни. Здесь ребята вступили в ком- сомол, здесь они политически развились. Наконец, здесь они овладевают военными знаниями: изучили винтовку, гранату. Маль- чики учатся стрельбе из зенит- ных орудий, девочки готовятся стать санинструкторами. Все они хотят получить воинские знания. И они их получают — вся их ра- бота порукой тому, что они до- бьются своего.

И тогда они помогут разгро- мить врага не только оружием искусства, но и боевым оружием Красной Армии.

Нам живется хорошо!

Здравствуйте, наши дорогие, родные, все жители славного героического Ленинграда, все наши мамы, мамы, сестренки, братишки, бабушки, дедушки.

5-го июля прошлого года мы последний раз видели вас и говорили с вами.

Мы жили четыре месяца в Ярославской области. А когда проклятые фашисты стали угрожать лю- бимой столице, нас эвакуировали дальше. Восемна- дцать дней мы ехали в эшелоне. Устроили нас в ва- гонах хорошо, сытно. Нам каждый день готовили на печурке обед, было тепло, и мы в вагоне не чув- ствовали сурового декабря. 18 декабря мы приехали в Коркино-Челябинской области. Местечко это нахо- дится недалеко от Челябинска. Мы живем в поме- щении школы — три детских сада вместе. У нас тепло, светло, очень часто, баня, как ленинградская — напротив нас.

Старшие дети сразу стали учиться. Они скоро перейдут в следующий класс, учатся все отлично и хорошо. Мы научились штопать белье, убирать кро- вати. В теплые дни мы гуляем около школы, ходим на отвал. Зимой у нас были санки, лопатки. В день Красной Армии и 1-го Мая мы устроили утренники, пригласили наших шефов — рабочих шахты. Они были у нас и навезли нам сладостей.

Мы часто ходим в кино, нам читают газеты. И мы вспоминаем вас, наши родные, славные герои-ленин- градцы. Мы не знаем ужасов войны, мы окружены лаской и заботой работников детского сада, мы сыты, часто одеты. Мы ценим все это, глубоко благодарим весь советский народ, нашу доблестную армию, нашего великого Сталина. Защищайте крепко наш родной город, чтобы мы снова могли вернуться к своим мамам и папам.

1-ый детский сад Смольнинского района.

Во время одного очень большого, напряженного боя, в котором участвовало много частей — и немецких и наших — был такой случай. Взвод должен был идти в атаку. Но немцы открыли бешеный минометный огонь, и бойцы, лежавшие на земле, не могли поднять головы. Это понимали и наши и немцы. И вдруг к тому месту, где залег взвод, подбежала девушка. Она была без пилотки, короткие, светлые волосы ее развевались на ветру. В руке она держала пистолет. Что она кричала бойцам — разобрать было невозможно. Да это, в сущности говоря, и не было важно. Самый вид этой девушки, стоящей без страха под огнем, звал и убеждал сильнее всех слов. Взвод поднялся и пошел в атаку. Атака была удачной и много способствовала успеху всей операции.

За всем этим наблюдали в бинокль генерал-майор и полковой

В.А. ОРЛОВ и Е.В. РЫСС

— У нас, у нас! Вы, наверное думаете про Шуру Ершову или про Калининну. Это замечательные девушки! Они в жестоких боях и под самым сильным огнем спокойно выносят раненых.

Словом, куда ни приезжал командир и где он ни говорил, что ищет девушку-героиню, всюду ему сообщали: „Это у нас!“, и рассказывали истории, одна другой замечательнее.

Однажды, когда он уже потерял почти всякую надежду найти ту девушку, которая с пистолетом в руке, с развевающимися волосами стояла под огнем, ему сказали:

— У нас есть замечательная девушка — Вера Чертилова. Послушайте, какая с ней случилась история. Вчера ее отправили сопровождать двух раненых на подводе. Кроме раненых ехали возчик и она, и на них напало пятнадцать немцев. Так, представьте себе:

командир. Они запомнили девушку и на следующий день приказали ее разыскать.

Но в бою, происходившем накануне, участвовало много частей, они передвигались, меняли расположение и сейчас найти эту девушку было очень трудно. Взят за это дело один командир.

Ему много приходилось ездить из одной части в другую. Каждый раз, приезжая в новую часть, он расспрашивал бойцов и командиров — не у них ли произошел этот случай.

В первый же раз, чуть только он упомянул о девушке-героине и спросил не в этой ли она части, — ему сразу, не задумываясь, сказали:

— У нас! Конечно же у нас.

— А что она сделала? — спросил командир.

— Она под жестоким пулеметным огнем перевязывала раненых, переходя от одного к другому. Когда раненые попросили пить, она спустилась к реке и под огнем противника, кото-

рый был в сорока метрах от нее, спокойно набрала воды.

— Это замечательно, — сказал командир. — Но это не та, которую я разыскиваю.

Через несколько дней он был в другой части. И там тоже стал расспрашивать: нет ли среди бойцов девушки — она стриженная, светловолосая, на днях в бою она показала себя настоящей героиней.

— Ну, как же! У нас! Вы, наверное, говорите об Ане Никифоровой, — сказали командиру. — Это замечательно смелая девушка. Она ходила в разведку. Однажды в лесу один из разведчиков был ранен. Аня Никифорова, одна, отнесла его назад, на пункт медпомощи, а потом вернулась, догнала разведчиков и была с ними до конца.

— Молодец девушка! — сказал командир. — О ней непременно сообщу. Но мне нужно найти другую.

В третьей части назвали Лену Матросову. Она перевязывала раненых под градом пуль.

В четвертой части, как только речь зашла о девушке-героине, все закричали:

ПСХ-7930

Вера Чертилова вдвоем с возчиком отбились. Засели в канаву и отстреливались. Немцы ничего не могли с ними сделать.

— Замечательно! — сказал командир. — А мне нужно найти девушку. . .

И он рассказал историю об этой таинственной девушке, которую он уже так долго искал.

— Позвольте! — закричали ему. — Так это же и есть Вера Чертилова. Как же, как же, — ему назвали то самое место и то самое время, когда это случилось. И это была она.

Командир отправился искать ее. А она в это время успела совершить еще один подвиг.

Так, разыскивая девушку-героиню, командир находил ее в каждой части, в каждом подразделении. Вот какие у нас замечательные девушки! Они идут вместе с бойцами в первом ряду; они не трусят под пулеметным и минометным огнем. Девушки наши мужественны, стойки и преданны родине.